

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ДРУГАЯ
ПРАВДА

Том 1

Каменская

Александра Маринина
Другая правда. Том 1

«Автор»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Маринина А.

Другая правда. Том 1 / А. Маринина — «Автор»,
2019 — (Каменская)

ISBN 978-5-04-104636-1

50-й, юбилейный роман Александры Марининой. Впервые Анастасия Каменская изучает старое уголовное дело по реальному преступлению. Осужденный по нему до сих пор отбывает наказание в исправительном учреждении. С детства мы привыкли верить, что правда – одна. Она? – как белый камешек в куче черного щебня. Достаточно все перебрать, и обязательно ее найдешь – единственную, неоспоримую, безусловную правду... Но так ли это? Когда-то давно в московской коммуналке совершено жестокое тройное убийство родителей и ребенка. Подозреваемый сам явился с повинной. Его задержали, состоялось следствие и суд. По прошествии двадцати лет старое уголовное дело попадает в руки легендарного оперативника в отставке Анастасии Каменской и молодого журналиста Петра Кравченко. Парень считает, что осужденного подставили, и стремится вывести следователей на чистую воду. Тут-то и выясняется, что каждый в этой истории движим своей правдой, порождающей, в свою очередь, тысячи видов лжи...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104636-1

© Маринина А., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александра Маринина

Другая правда

Том 1

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Алексеева М.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Глава 1

Четверг

– Ты меня любишь?

Глаза Стасова, зеленые и озорные, окруженные сетью заметных морщин, смотрели на нее вопросительно и с каким-то явным подвохом. Но подвоха Анастасия Каменская не заметила, потому что при появлении шефа так и не оторвала взгляд от экрана компьютера, набивая текст очередного документа.

– Я тебя обожаю, – скучно ответила она. – Но бумага от моей страстной любви быстрее не напишется. Ты сам сказал, что заказчик явится к двенадцати, и к этому времени полный отчет должен быть готов. Если тебе так важна моя любовь...

Она сняла руки с клавиатуры, поискала в папке какой-то документ, уточнила информацию и с досадой поняла, что дважды ошиблась, указывая адреса, – вписала неправильный номер дома. Теперь придется тратить время на то, чтобы во всем отчете перепроверять ошибки. А ведь она была уверена, что запомнила все в точности. Привыкла полагаться на свою безупречную память, но ведь возраст... Черт!

– Если тебе так важна моя любовь, – со вздохом продолжила Настя, – ты бы попросил там, наверху, чтобы распорядились напихать в час не по шестьдесят минут, а по сто двадцать. Короче, Стасов, давай что-нибудь одно: или про любовь, или отчет к двенадцати.

– Забей.

– На любовь?

– На отчет.

Вот это уже неожиданно!

– И почему?

Настя оторвала наконец взгляд от экрана и внимательно посмотрела на Владислава Николаевича. Что случилось? Заказчик отказался от их услуг и не собирается получать отчет о полностью проделанной работе, которую их частное агентство «Власта» честно выполняло в течение без малого двух месяцев? Или случились какие-то крупные неприятности, в сравнении с которыми конфликт с заказчиком покажется комариным укусом? Но в этом случае Стасов не выглядел бы таким веселым...

– Заказчик придет к пяти, я с ним договорился. А теперь еще раз ответь, только громко и внятно, любишь ли ты меня, мою жену Таню и нашего сына Гришу.

Она улыбнулась.

– Отвечаю громко и внятно: я вас обожаю.

– И готова ради нас на жертвы?

– Готова, – без раздумий ответила Настя и тут же прикусила язык.

Жертвы? О чем это он?

– Настюха, а в отпуск хочешь?

Какой отпуск? Она же только недавно вернулась на работу, отгуляв положенные четыре с хвостиком недели. Правда, отпуском назвать этот месяц можно было весьма условно: они с Чистяковым смогли наконец купить квартиру, и четыре недели оказались полностью посвящены приведению ее в вид, пригодный для проживания. И Настя, и Алексей изначально были категорическими противниками любых кредитов, в том числе и ипотечных, поэтому добросовестно годами копили деньги на новое жилье. Алексей мотался по городам и весям, читая курсы лекций то по два-три месяца, а то и по полгода, Анастасия хваталась за любые переводы, над которыми просиживала каждую свободную от работы минуту, и вот наконец желанная цель оказалась достигнутой: трехкомнатная квартира, «вторичка», в которой после многочис-

ленных предыдущих жильцов нужно было сделать хотя бы косметический ремонт. В течение последних десяти лет хозяева эту квартиру сдавали, и квартиранты привели ее в состояние почти полной разрухи. Накопленных денег хватало как раз на покупку и самый недорогой ремонт, более приличное жилье они бы с имеющимися финансовыми ресурсами не потянули, а ждать еще несколько лет и снова копить уже не было сил. Их крошечная однокомнатная квартира буквально задыхалась от бесчисленных книг и папок, которые давно уже складывались стопками на полу, потому что на полках место закончилось еще в прошлом веке.

Квартиру купили, оформили отпуска и провели месяц в попытках облагородить будущее жилье, при этом считали и экономили каждую копейку, но копейки эти почему-то исчезали с космической скоростью, а чистоты, порядка и удобства почти не прибавлялось. Солидные фирмы не брались за «бюджетный» ремонт, им нужен размах, финансовые вливания, строительство и отделка загородных домов, одним словом, масштаб, при котором можно побольше заработать и еще больше – просто украсть, а скромный косметический ремонт в городской квартире ни у кого интереса не вызывал. Выслушав пару десятков вежливо-брезгливых отказов, Настя и Алексей принялись сами искать рабочих и мастеров, но быстро выяснилось, что иметь дело со случайными людьми чревато нервотрепкой и скандалами, а также потерей денег и все того же времени. Проведя месяц в ремонтном развале с ежесекундной тратой нервных клеток, Настя радостно вернулась на работу. Надежду уложиться с ремонтом и переездом в один месяц пришлось похоронить, и было решено, что она потихонечку, не спеша, вдумчиво и серьезно будет искать бригаду нормальных мастеров, а Леша примет предложение поработать в Новосибирске над одним очень перспективным проектом, под который выделили солидный грант. На мебель, конечно, не хватит, да и на полный ремонт тоже, но хотя бы на половину... «Будем двигаться поэтапно, – сказал Чистяков. – Куда нам спешить? Мы с тобой тридцать лет прожили в „однушке“, еще годик протянем, зато сделаем все по уму и потом будем коротать старость в человеческих условиях».

И вот теперь Стасов спрашивает, не хочет ли она в отпуск...

– Не хочу, – осторожно ответила она. – Я уже отгуляла, ты забыл?

– А вот я хочу, – со вздохом проинформировал ее Владислав Николаевич. – И не в абы какой отпуск, а в настоящий, семейный, с женой и сыном.

Она пожала плечами:

– Ну так поезжай, кто мешает-то? Ты шеф, хозяин, тебе никто не указ. Или ты хочешь меня посадить в свое кресло на это время? Ты эту жертву имел в виду?

– С ума сошла? – возмутился Стасов. – Из тебя начальник как из меня лилипут. Вместо меня Доценко поруководит.

– А что тогда? Владик, заканчивай тянуть из меня жилы, говори уже.

Он как-то странно завздыхал, перестал нависать над Настей и отвернулся к окну.

– Отпусти Таню.

От изумления Настя даже не нашла что ответить.

– Куда отпустить? – глупо спросила она.

– Со мной. Во Францию. По замкам Луары.

– А я-то при чем?

– Ты можешь ее заменить.

Татьяна помимо собственной писательской деятельности периодически проводила семинары с молодыми (впрочем, иногда и с не очень молодыми) авторами, вознамерившимися сделать карьеру на ниве создания детективов и желавшими хотя бы в первом приближении узнать, как устроена правоохранительная система, чтобы не наделать совсем уж грубых ошибок. Имея за плечами многолетний опыт работы следователем, Татьяна могла помочь будущим Конан Дойлам избежать очевидных косяков, которые приводят в бешенство читателей, более или менее знакомых с устройством и функционированием органов правопорядка. Подобные

ошибки могут испортить впечатление даже от очень хорошо написанной книги с крепко закрученным сюжетом и яркими характерами.

Гриша Стасов вырос разумным и целеустремленным парнем, изучал политологию в Сорбонне, там же, в Париже, познакомился с девушкой, родители которой предложили устроить большой семейный выезд по замкам Луары, обещая показать и рассказать много интересного и познавательного, такого, чего не расскажут обычные платные экскурсоводы. Предложение поступило неожиданно, и нужно было торопиться с ответом, ибо по каким-то понятным только приглашающей стороне причинам сделать поездку поистине незабываемой можно лишь в том случае, если осуществить ее в течение ближайшего месяца. А Татьяна Образцова так давно мечтала посмотреть эти самые замки Луары... И они так давно никуда не ездили втроем...

Засада, однако, в том, что Татьяна, никак не ожидавшая подобного приглашения, заранее договорилась о проведении цикла индивидуальных занятий с молодым журналистом, решившим написать большой роман, основываясь на материалах реального уголовного дела. Журналист специально приедет из другого города, и отменить мероприятие, перенести его на другое время, Тане неудобно.

– Он ведь тоже отпуск взял специально под это дело, – сокрушался Стасов, – и жилье снял в Москве, проплатил аренду. У Танюшки окаянства не хватит бортануть его. Если ты не согласишься, она вообще никуда не поедет. Опять же денежек заработаешь, лишними не будут. Зарплата за весь месяц, плюс гонорар, который Таня обычно берет за семинары, плюс можешь набрать переводов, времени у тебя будет вагон, пару часиков в день позанимаешься с этим Сименоном доморощенным – и свободна, как птица в полете!

– Стасов, по-моему, ты придумал какую-то глупость, – сердито ответила Настя. – Как я могу заменить Таню? Ну ты сам подумай! Таня – писатель, мастер, профессионал. А я кто? Чему я могу научить этого мальчишка?

– Да не надо учить его сочинять детективы. Ему нужно научиться читать уголовное дело. А тут у вас с Таней уровень знаний одинаковый, у тебя даже и побольше, потому что Таня уже больше десяти лет в отставке, а ты только восемь, ты служила дольше. Ну? Настюха, ну выручи друзей, а?

Теперь зеленые глаза Владислава Николаевича смотрели не весело, как в самом начале, а умоляюще. Насте стало неловко. Отказывать старому другу не хотелось, она искренне любила и его, и Таню, знала обоих лет двадцать и была к ним глубоко привязана. Но и ввязываться в авантюру не хотелось тоже. А чем же еще, как не авантюрой чистой воды, стала бы попытка заняться на склоне лет тем, чему ее не учили и чего она никогда отродясь не делала? При чем заняться не в виде хобби, затаившись в темном уголке и никому не показывая результатов своей неумелой деятельности, а открыто, у всех на виду и за деньги, позиционируя себя крутым профессионалом. Нет, нет и нет. Ей уже пятьдесят восемь, не девочка, чай, подобные эксперименты ей не к лицу.

– Алэ чому самэ я? – неожиданно вырвалось у нее.

Стасов нахмурился, посмотрел недоумевающе.

– Что?

Настя рассмеялась.

– Извини, Владик, просто в голову вдруг пришло. Помнишь фильм «Мертвый сезон»?

– Конечно, это же мое детство. И что?

– Вот и мое тоже. Я его знала практически наизусть. Мы с родителями как-то отдыхали в Крыму, и там по телевизору шел этот фильм, дублированный на украинский язык. Ты же знаешь, я к языкам всегда питала слабость, и вот я сидела перед экраном, вспоминала реплики на русском и слушала, как они звучат по-украински, типа язык осваивала. Там в самом начале, когда героя Ролана Быкова вербуют в разведчики, он спрашивает: «Но почему именно я?» Помнишь?

– Ну да.

– Вот эту фразу я тебе и сказала. Так почему, Стасов? Неужели во всей Москве нет других людей, которые могут объяснить мальчику, что означает тот или иной документ в уголовном деле? Ни за что не поверю.

Стасов посмотрел на нее с жалостью, и Настя почувствовала себя недоумком.

– Во-первых, я хочу дать заработать именно тебе, а не чужому дяде. Во-вторых, Таня доверяет тоже именно тебе, а не кому-то из своих бывших коллег. И в-третьих, если оставить за рамками обсуждения вопрос доверия, у тебя есть какой-никакой опыт. Ты и занятия в Высшей школе проводила, и Павлика Дюжина натаскивала, я же помню.

– Когда это было! – Настя махнула рукой. – Прошлый век. И потом, Павлика я учила оперативно-разыскной премудрости, а это совсем не то же самое, что преподавать уголовный процесс, да еще неподготовленному человеку, не имеющему минимального фундамента правового мышления. Даже сравнивать нечего!

В течение следующих десяти минут Владислав Николаевич, не жалея красок, расписывал Насте ее же достоинства, объясняя, почему с поставленной задачей лучше всех справится оперативник с многолетним стажем, светлой головой и уймой терпения.

– Давай я позвоню Тане, она подъедет, мы вместе сходим пообедать, и она тебе все объяснит, – наконец сказал он, видя, что все попытки пробить брешь в стене отказа ни к чему не приводят.

– Давай, – вяло согласилась Настя.

Она не собиралась сдаваться, но пользоваться аргументом «у меня не получится» почему-то стеснялась, и ей казалось, что если правильно построить разговор с Татьяной, то она сама откажется от своей идеи, поймет, что Настя для такой работы не годится.

Оставшись одна в кабинете, она немедленно позвонила мужу. Лешка – самый главный ее советчик. И самый лучший.

– Не понял, что тебя смущает? – произнес Чистяков, выслушав краткий пересказ диалога со Стасовым. – Работа по твоему профилю, с использованием твоих профессиональных знаний. Ты чего-то недоговариваешь?

– Да нет же, Лешик, просто... Я никогда не выступала в роли учителя. Я не умею объяснять на пальцах, коротко и понятно, для неподготовленных. Для этого нужно иметь особый талант, а у меня его нет. У Тани есть, а у меня нет, вот и все.

– А у Тани точно есть? – зачем-то спросил Алексей.

– Ну... Наверное, есть, коль она свои семинары ведет и деньги за это получает. Если бы она плохо обучала, у нее не было бы новых учеников, сейчас ведь эпоха интернета, информация мгновенно расходуется.

– Это всего лишь твое предположение. Ты сама проверяла?

– Леш, я не пойму, к чему ты клонишь, – сердито отозвалась Настя.

– Но ты согласна, что любое предположение нуждается в проверке? Любая гипотеза, любая версия. Это же основа твоей профессии, разве нет?

– Да, – согласилась она.

– Вот и проверь.

– Проверить – что? Есть ли у Тани педагогический талант?

– Проверь, есть ли он у тебя. Неужели не интересно?

Настя улыбнулась и пожалела, что муж сейчас не видит ее. Наверное, его порадовала бы ее непроизвольная улыбка.

– Интересно. Но стрёмно. А вдруг облажаюсь?

– И что? Мир рухнет? Мало ли кто какие ошибки совершает.

– Но я уже в таком возрасте, когда облажаться стыдно, – неуверенно заметила она.

В трубке послышался смешок, и Настя попыталась представить себе мужа, сидящего в кабинете за письменным столом. Зная его привычки, она была уверена, что в этот момент он крутанулся в своем шикарном «кресле руководителя».

– Асенька, помнишь, несколько лет назад ты смотрела запись «Риголетто» с Пласидо Доминго. Я в опере ничего не понимаю, а ты мне все уши прожужжала о том, какая неудачная затея и как плохо спел Доминго.

– Да, помню. Доминго – тенор, взялся исполнить партию баритона и не справился, спел очень плохо, хотя драматически сыграл вполне достойно.

– Но насколько я помню, ты всегда любила этого вокалиста.

– Любила и до сих пор люблю. Просто одну партию он исполнил неудачно. И...

Она запнулась. Да, Лешка прав, впрочем, как всегда. Если уж сам Доминго, звезда мировой величины, не побоялся попробовать себя в новом амплуа, выставив последствия своего опрометчивого шага перед всей мировой общественностью, то что говорить о никому не известной и никому не нужной Анастасии Каменской? Доминго ничего не потерял в глазах своих поклонников, не утратил их любви, не стал хуже оттого, что облажался. Даже напротив, приобрел известную долю восхищения своей смелостью. Откуда в голове появляется убеждение, что взяться за что-то и не справиться – стыдно? Это же полная глупость! Уверять окружающих, что ты легко справишься, хотя на самом деле никогда не пробовал, и потом облажаться и тем самым подвести людей, которые в тебя поверили и на тебя понадеялись, – это да, стыдно. Но что может быть стыдного, если честно предупреждаешь всех, что ты не умеешь, что это твой первый опыт и ты не гарантируешь результат? Ровным счетом ничего.

– Какой же ты умный, Лешка, – благодарно выдохнула она.

Решено. К двум часам приедет Таня, они пойдут в расположенное в соседнем доме кафе обедать, Настя подробнейшим образом выпросит, что от нее требуется и как это нужно делать, и поставит неременное условие: если процесс обучения журналиста тонкостям уголовного процесса застопорится или окончательно провалится, она просто не возьмет гонорар. Вот и все. Ничего сложного и ничего постыдного.

* * *

«Проблемы с парковкой – путь к здоровому образу жизни», – насмешливо думала Анастасия Каменская, проезжая мимо очередного магазина, в котором могла бы купить продукты, если бы можно было приткнуть машину где-нибудь поблизости. Машину придется поставить во дворе дома, где парковочные места распределены между жильцами, а въезд предусмотрительно перекрыт шлагбаумом для охраны от чужаков, после чего шлепать в магазин пешком. Имелся и другой вариант: делать закупки раз в неделю в больших торговых центрах с огромными многоэтажными паркингами, но Насте было безумно жаль тратить на это драгоценные часы выходного дня. Ничего, ходить пешком полезно.

Уже начало сентября, а лето словно в самом разгаре, радуется и буйствует, посмеиваясь над загулявшей где-то осенью. Если вдуматься, ситуация не так уж и плоха: через три дня Стасов и Татьяна уедут, на работу в контору ходить не нужно, погода прекрасная, подработка в виде переводов каких-то мутных договоров обеспечена (скучно невыносимо, зато объем огромный и платят неплохо). Правда, на следующей неделе приедет будущая звезда детективного жанра, но после сегодняшнего разговора с Татьяной картина представлялась Насте уже не столь пугающей.

– У него есть какой-то древний материал, в котором нужно помочь разобраться, – сказала Татьяна. – Самое главное – не давать ему возможность следовать журналистским инстинктам. Хочет стать писателем – пусть работает именно как писатель, а не как журналист.

– А есть разница? – удивилась Настя.

– Огромная. Журналист будет пытаться докопаться до правды, чтобы написать убойный материал. Писателю правда не нужна, он создает собственную реальность. Но поскольку это все-таки тоже реальность, она должна основываться на реалиях, а не на выдумках. Твоя задача – объяснить парню, как устроена система и как она работает, что бывает и чего не бывает, что можно, а чего нельзя. В чем разница между следователем и опером, между допросом и опросом, между экспертизой и исследованием. А любимые вопросы русской интеллигенции «кто виноват?» и «что делать?» надо оставлять за бортом и категорически пресекать любые попытки перевести процесс консультирования в журналистское расследование. Идея понятна?

– Вполне, – с облегчением ответила Настя. – А что за материал у него, не знаешь?

– Какое-то старое дело о тройном убийстве. Я так поняла, что кому-то удалось получить доступ в архив и перефотографировать дело.

– Зачем?

Татьяна пожала плечами.

– Да понятия не имею! Я специально не задавала ему лишних вопросов, чтобы не порождать иллюзию, будто истинные обстоятельства имеют какое-то значение. Не имеют. И ты должна стоять на этом, как на охране государственной границы.

– Танюша, а зачем он вообще приедет? Разве все вот эти консультации нельзя было проводить по скайпу, в вайбере, в ватсапе или еще как-то? Для чего все эти сложности: отпуск, поездка в Москву, съемная квартира? Мне казалось, так уже никто не поступает.

Татьяна расхохоталась.

– Я предложила ему этот вариант, но он сказал, что предпочитает обучаться очно. Бред, конечно, но подозреваю, что дело не в этом. Он вцепился в свой материал и боится выпустить его из рук, а если работать дистанционно, то ему придется прислать свою драгоценную добычу мне, и мало ли, кому еще я ее покажу или вообще отдам. Два варианта. Первый: парень действительно собирается написать крутой детектив, а в деле есть какой-то очень красивый сюжетный поворот, который он хочет использовать в собственной нетленке, и он боится, что при преждевременной огласке идею банально сопрут, что случается сплошь и рядом. И второй: мальчишечка привирает насчет будущего писательства, он все-таки намеревается провести журналистское расследование, и в этом деле мы ему никак не помощники. Тут все должно пресекаться на корню. Никакого героизма. В наше время героем имеет право становиться только одиночка, по которому никто не заплачет, а не мы с тобой, пенсионерки с семьями. Подставлять под удар себя – еще куда ни шло, но своих близких – ни в коем случае.

В такой постановке задача казалась Насте вполне выполнимой, и теперь, возвращаясь домой, она уже не совсем отчетливо понимала, чего так испугалась и почему столь яростно отказывалась от предложения Стасова. В конце концов, не боги горшки обжигают. Правда, оставалось еще одно, последнее, сомнение: согласится ли будущий ученик на замену учителя? Все-таки он просил о консультациях именно Татьяну, известного писателя, и именно ей готов был платить за потраченное время, а вовсе не какой-то там Анастасии Каменской. Но Таня заверила ее, что все в порядке, она предварительно поговорила с Петром (молодого журналиста из Тюмени, как выяснилось, зовут Петром Кравченко), объяснила ему ситуацию и встретила полное понимание с его стороны.

Вот и хорошо.

Дома Настя быстро обозрела содержимое холодильника и мысленно составила перечень необходимых покупок, старательно подавляя соблазн составить список на листке бумаги. Со списком, само собой, удобнее и надежнее, но память нужно поддерживать в рабочем состоянии. Воспоминание о допущенной сегодня ошибке с адресами отозвалось неприятной резью в душе. Анастасия Каменская никогда не была ипохондриком, не боялась заболеть, не подозревала наличия у себя страшных и неизлечимых недугов, но страх перед возможным возрастным

ослаблением интеллекта и памяти с недавних пор поселился в ней и быстро пустил ветвистые корни.

Когда поздно вечером с работы приехал Чистяков, купленные продукты были оформлены в виде незамысловатого, но приготовленного с любовью ужина, неиспользованные остатки вместе с припасами на ближайшие дни аккуратно разложены по полкам и ящикам холодильника и кухонных шкафов, а сама Настя, босая и растрепанная, сосредоточенно перекладывала и передвигала по полу стопки книг и папок, расчищая пространство.

– Нужно же куда-нибудь посадить ребенка с его ноутбуком, – пояснила она мужу. – Господи, как мы с тобой жили столько лет в такой тесноте?

– Отлично мы жили, – улыбнулся Алексей. – В тебе проросли барские замашки?

Он ловко пристроил в шкаф снятый костюм с сорочкой и переоделся в шорты и футболку. Настя невольно залюбовалась его широкими плечами и длинными сухими ногами. «Какой же Лешка красивый!» – подумала она.

– И когда прибудет этот твой ребенок? – спросил он, поглощая ужин.

– На следующей неделе, в среду.

– О! И как раз в среду я улечу в Новосибирск. «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса», – продекламировал он. – Живешь строго по Пушкину, Асенька. Велик ли ребенок?

– Не знаю. Таня сказала, что вроде бы ему двадцать с каким-то хвостом.

– Длина хвоста имеет значение, – усмехнулся Алексей. – Двадцать один и двадцать девять – разница существенная. Я, если помнишь, в двадцать один год был еще сопливым студентом, ну разве что подававшим некоторые надежды, а в двадцать девять уже выпивал на банкете по случаю присуждения мне ученой степени доктора наук.

Он поставил опустевшую тарелку в раковину.

– Спасибо, Асенька, было очень вкусно. И перестань так нервничать, хорошо? Если уж ты худо-бедно готовить научилась, то с ребенком из Тюмени как-нибудь справишься.

Она изумленно посмотрела на мужа.

– Разве я нервничаю?

– На первый взгляд – нет. Но скажи мне, любимая, какая такая неведомая сила могла заставить тебя, с твоей больной спиной, десятки раз наклоняться и поднимать тяжести? Только нервозность. Готовься, завтра будешь лежать пластом.

Леша посмотрел на ее ошарашенное лицо и рассмеялся.

– Я, конечно, и пожалею, и кофейку в постель принесу, и даже диклофенак тебе в попу вколю, так уж и быть, но все-таки разум-то сохраняй, ладно? У тебя в семье мужик есть, если ты забыла.

Да, Лешка прав. Почему-то он всегда и во всем прав. А она – дурочка. Надо же было такое удумать: стопки книг и папок тягать! Похоже, она действительно нервничает, сама того не замечая. Если спина вздумает жестоко отомстить за совершённую глупость, то пусть месть по длительности ограничится одним-двумя днями, ну пожалуйста! Хороша выйдет картинка, когда в среду явится гость из Тюмени Петр Кравченко, а Настя будет общаться с ним, лежа на доске. Зачем нужно было заниматься расчисткой пространства непременно сегодня? Завтра пятница, впереди два выходных дня, можно было все потихонечку сделать с Лешкиной помощью, до среды еще уйма времени... «Я глупею прямо на глазах, – с ужасом подумала Настя. – Неужели мои страхи оправдываются?»

Глава 2

Среда

Петр Кравченко оказался молодым человеком двадцати пяти лет, довольно рослым, полноватым, с ранними глубокими залысинами и редящими выющимися волосами. Симпатичным, но вполне обыкновенным. Настя сразу пригласила его на кухню выпить кофе и поговорить «для знакомства». Дверь в комнату она предусмотрительно закрыла, чтобы их разговоры не мешали Алексею, которому нужно было собраться в длительную поездку и еще «чуть-чуть поработать».

– Я вас даже знакомить не буду, чтобы тебя не отвлекать, – пообещала она. – Мы на кухне посидим, а ты спокойно занимайся своими делами.

Выяснилось, что материал, на котором Петр намеревался тренироваться, попал к нему в известной мере не случайно. Первоначально флешка с фотографиями страниц уголовного дела находилась у его бывшей однокурсницы, которая, к сожалению, в прошлом году скоропостижно скончалась от какой-то острой инфекции. После смерти девушки Петра разыскала ее тетка и уговорила продолжить работу в память о покойной подруге.

– Я же учился в Москве, на журфаке, – объяснил он. – А Ксюша была москвичкой, и тетка ее тоже здесь живет, так что мы были знакомы еще с университета.

Тетка, а не мама. И получается, что Ксюша приводила Петра в гости не в родительский дом, а к тете. Почему? Была сиротой? Возможно. Или рассорилась с родителями и ушла из дома. Тоже бывает.

– Почему ваша подруга заинтересовалась этим материалом? – спросила Настя. – И что собиралась с ним делать?

Петр посмотрел растерянно. Похоже, к такому вопросу он готов не был. Но ведь вопрос совершенно естественный... И ответ на него не должен вызывать ни малейших затруднений. Однако, судя по его реакции, затруднения есть. Странно.

Еще через полчаса пристрастного допроса картина стала приобретать более или менее внятные очертания. Петр и Ксения были «парой» на протяжении второго и третьего курсов, о свадьбе даже речи не было – вступать в брак в ближайшие годы ни один из них не планировал, и когда девушка увлеклась кем-то другим, Петя даже не особенно горевал, быстро переориентировался и подыскал себе новую подружку. После окончания учебы он вернулся в родную Тюмень, начал работать в местном издании и о Ксюше почти не вспоминал, пока неожиданно не возникла Алла Владимировна, та самая тетка, двоюродная сестра Ксюшиной матери, с сообщением о скоропостижной смерти девушки. Мать Ксюши погибла в автоаварии, когда девочке было лет десять-одиннадцать, до совершеннолетия Ксюша жила с бабушкой по материнской линии, ибо отец в этой семье не присутствовал вовсе, даже номинально. Алла жизнью маленькой племянницы особо не интересовалась, у нее имелись муж и сын и вообще своя жизнь, а с кузиной они никогда не были близки, хотя и жили в одном городе. Но к тому времени, когда Ксюша стала студенткой, ситуация переменилась: муж от Аллы ушел, сын вырос и уехал с друзьями в Словению организовывать собственный маленький гостиничный бизнес, и Алла вдруг вспомнила о дочери давно погибшей сестры. Начала звонить ей, приглашала на спектакли и концерты, иногда подбрасывала денег, одним словом, старалась вписаться в роль доброй заботливой тетушки. Руководить жизнью племянницы Алла не стремилась, на мозги не капала, ничего не требовала, и Ксюша совершенно не возражала против наличия старшей подруги, такой светской и элегантной, способной очаровать любого кавалера, вместе с которым девушка придет к ней в гости.

– Когда мы с Ксюшей расстались, я даже иногда ловил себя на мысли, что мне не так жаль наших отношений, как тех посиделок у Аллы, – усмехнулся Петр. – И когда она нашла меня и попросила в память о Ксюше написать книгу на основе тех материалов, с которыми та работала в последние недели своей жизни, я не мог отказать. Не считал возможным.

– Ксения собиралась написать детектив? – уточнила Настя.

– Не знаю, но вряд ли. Мы ведь с ней ни разу не общались после того, как дипломы получили. Тяги к романистике и вообще к художественной прозе в ней раньше не было, во всяком случае, я не замечал, да и сама она никогда ничего такого не высказывала. Ксюша бредила журналистскими расследованиями, громкими разоблачениями, хотела бросать вызов. Может, в последние годы она изменилась... Не знаю.

– То есть Алла Владимировна передала вам материалы племянницы и сказала: «Делай с ними что хочешь, но результат будет в память о Ксении»?

– Ну... да, примерно так.

– И что же вы решили захотеть?

– Напишу детектив.

– Сюжет уже придумали?

– Конечно!

Петр заметно оживился, разговоры о прошлом были ему явно скучны, а вот о своем будущем творении он готов был порассуждать с удовольствием. Он собирался написать роман о том, как ошибочно осужденный человек уже двадцать лет отбывает пожизненный срок и как молодой целеустремленный журналист докапывается до истины, находит настоящего преступника и добивается освобождения невиновного. Боже мой, как скучно! Как избито! Если бы мальчик Петя побольше читал книг и смотрел кино, он бы знал, сколько раз использовали и истоптали ногами этот сюжет.

Настя посмотрела на часы: пора заканчивать, для первого знакомства достаточно, парень только сегодня утром прилетел, пусть обустроится в съемной квартире, отдохнет, а ей самой уже через час нужно будет везти Лешку в аэропорт. Может быть, даже останется время, чтобы посмотреть материалы и подготовиться к первому занятию.

Однако Татьяна оказалась права: оставить ей флешку с фотографиями документов Петр отказался. Настаивать Настя не стала.

– Жду вас завтра в десять утра, – строго произнесла она на прощание. – Свой ноутбук не забудьте принести. Если вы так боитесь доверить мне флешку, то вставлять ее в мой компьютер вы тоже не позволите, я правильно понимаю?

Петр залился краской и сделался от этого отчаянно некрасивым. Насте даже стало жалко его. Закрыв дверь за гостем, она вернулась в комнату, где Чистяков, сидя рядом с раскрытым и полностью собранным чемоданом, просматривал на компьютере какие-то материалы.

– Ребенок не страшный, – объявила она, целуя мужа в макушку. – Думаю, я с ним справлюсь.

– Красивый? – рассеянно спросил Алексей, выделяя цветом какую-то фразу в тексте на экране.

– Обычный. Ты лучше, – улыбнулась Настя.

* * *

В последние восемь лет, после выхода в отставку, Анастасия Каменская старалась сама провожать Чистякова, пресекая его поползновения вызвать такси и не морочиться. Поездок всегда было много, но пока Настя служила, своему времени хозяйкой не была и проводить мужа удавалось крайне редко. Зато теперь, когда она работает у старого друга Стасова, можно в любой момент отпроситься и встретить полное понимание со стороны руководства. Проводить

Алексея и встретить – душевная потребность, а вовсе не исполнение супружеского долга, и Стасов это прекрасно понимал. Брак с Татьяной был вторым, а в первом Владислав досыта наелся непонимания, насладился отсутствием тепла и теперь отлично знал, что действительно важно в семейной жизни.

Обычно на обратном пути из аэропорта или с вокзала Настя немного грустила, совсем чуть-чуть, но в этот раз на нее неожиданно, будто в темноте из-за угла, наскочила удушливая беспросветная тоска. Мысль о том, что придется возвращаться домой, вызвала необъяснимое отвращение. Почему? Она всегда так любила свою крошечную квартирку, куда мама и отчим отселили ее сразу же после окончания юрфака, как только Настя пришла на службу в милицию. Это произошло тридцать шесть лет назад... И все эти тридцать шесть лет Настя Каменская обожала свое жилище и считала надежным укрытием от всех бед и невзгод. Да, двум взрослым людям, каждый из которых нуждается в собственном рабочем месте, давно уже тесно и неудобно, но ведь в этих стенах так много общих воспоминаний, так много тепла и любви, столько слез пролито и столько маленьких и больших побед одержано! Умом понимая, что нужна квартира побольше, Настя всегда с болью думала о том, что переезд будет похож на предательство. «Ну как я расстанусь с этой квартирой? – спрашивала она себя. – Мне здесь все нравится, я все это люблю, я к этому привыкла... Я просто не смогу жить в другом месте».

Первый звоночек прозвенел в тот день, когда она перетаскивала книги, освобождая место для будущего ученика. Тогда в голове пролетело: «Почему это я не смогу жить в другом месте? Очень даже смогу». Мелькнуло и тут же забылось, оставив во внешнем мире почти незаметный отпечаток в виде вопроса, в сердцах брошенного мужу: «Как мы столько лет жили в такой тесноте?» Сегодня же из привычной грусти, вызванной расставанием с Лешей, внезапно проросло невесть откуда взявшееся желание поскорее переехать в более просторное жилье, и вообще – в другое, в новое. Нежелание покинуть старые привычные стены показалось странным и каким-то глупым. И возвращаться домой отчего-то совершенно не хотелось.

Навигатор послушно перестроил маршрут, и минут через сорок Настя уже ставила машину возле дома, где находилась недавно приобретенная квартира. Она долго бродила по пустому унылому помещению, то и дело задевая ногой валяющиеся остатки материалов. Да уж, работы предстоит еще много, жить здесь пока нельзя, но помечтать-то можно? Вообще-то они с Лешкой уже все распланировали и распределили: в самой маленькой комнатке сделают спальню, в средней по величине – кабинет Чистякова, а рабочее место для Насти оборудуют в большой комнате, в уголке, рядом с окном. Этот уголок она сама облюбовала в первый же день, как только увидела квартиру, еще на показе с риелтором. Вот здесь, у этой стены, будет стоять удобный диван, непременно раскладывающийся, чтобы было где устроить на ночь гостей, а на противоположной стене они повесят большую плазму и будут смотреть кино, сидя рядышком... Места для встроенных шкафов-купе тщательно вымерены, благо прихожая достаточно просторная, а все оставшееся пространство займут книги. В новом жилище будет уютно и удобно, но настанут сии сладостные времена еще очень не скоро.

Приятных мечтаний надолго не хватило, они быстро растаяли под натиском мысленных перечислений того, что предстояло сделать. Проводку всю поменять обязательно, трубы тоже, ибо неизвестно, как и из каких материалов делали их прежние хозяева, и часто случается, что при въезде в приобретенную «вторичку» новые жильцы сталкиваются со старыми проблемами, разрешить которые возможно лишь при условии уничтожения только что законченного ремонта. Стеклопакеты придется поменять. Стены нуждаются в выравнивании. Единственное, что удалось Насте и Чистякову за месяц отпуска, это привести в порядок пол и заделать огромные трещины в стенах.

Ей стало скучно. Надо ехать домой, нечего бродить тенью отца Гамлета по просторам далекой мечты, от бессмысленного шатания между пустыми стенами эта самая мечта ближе не станет.

* * *

Я смотрю на себя в зеркало каждое утро и каждый вечер. Это обязательный ритуал, как для некоторых – бесконечное повторение мантр. На мантры у меня нет времени, слишком много дел и забот, но дважды в день несколько минут, проведенных наедине со своим отражением, дают мне возможность почувствовать уверенность в себе и насладиться ею. У меня прямой и открытый взгляд, глаза большие и светлые, и когда я улыбаюсь, мне никто не может отказать. Я все смогу, у меня на все хватит сил, терпения и выдержки. Я никогда не сдаюсь. Я преодолею любые препятствия и любые трудности. И пусть есть люди, которые в этом сомневаются. Просто они еще не знают меня. Они думают, что мы похожи, мы из одного теста слеплены, они – такие же, как я. А вот и нет. Они – жертвы обстоятельств, покорные рабы мифов о финансовом благополучии, которое якобы способно обеспечить благополучие внутреннее. Заработай денег – и будет тебе счастье! Накачай мышцы, надуй силиконом губы и груди, купи виллу в Майами, попади в верхние строчки Форбса... Глупцы. Тупые и недалекие ослы, послушно плетущиеся за морковкой, которой их маняют, при этом еще и хвостиком радостно помахивающие. Все эти люди не понимают, в чем настоящее удовлетворение.

Оно в том, чтобы прогнуть жизнь под себя. В том, чтобы сделать то, чего не смогли другие. Впервые журнал «Форбс» опубликовал список богатейших американцев сто лет назад, в далеком 1918 году. Сколько человек за сто лет попадало в этот список? Да тысячи! Что выдающегося может быть в том, чтобы оказаться одним из многих тысяч? Ровным счетом ничего. Очередное стадо. А Ник Вуйчич – один. Он уникален. Он сделал то, чего не смог больше никто.

Конечно, я далеко не Ник Вуйчич, и природа пощадила меня, не наградив тетраамелией, у меня все конечности на месте и здоровье отличное. Но пример Ника учит меня: если люди вокруг говорят, что «это невозможно», – не верь. Просто делай. Когда не получается – не опускай руки, возьми паузу, сядь и подумай, почему не получилось, где ошибка в расчетах и что нужно сделать по-другому, чтобы все-таки получилось.

Так, и только так.

Говорят, что у врачей, особенно у практикующих хирургов, со временем вырабатывается комплекс Бога, им начинает казаться, что они властны над смертью и могут по собственному желанию заставить ее отступить, продлевая жизнь. Я не врач, и желания быть хирургом у меня никогда не было. Но вера в то, что «я могу», – была. И есть.

И ужасно забавно, что ни один человек в моем окружении об этом не знает. Никто меня не чувствует. Все полагают, что мы из одного теста.

Интересно, как они реагируют, когда узнают? Представляю, как вытянутся их физиономии...

Глава 3

Четверг

Петр Кравченко позвонил в дверь без пяти минут десять. Не опоздал. Это хорошо. Клетчатая сорочка с короткими рукавами открывала мощные бицепсы, которые вчера под легкой ветровкой Настя не разглядела. Висящая через плечо сумка с ноутбуком и немного робкий вид делали Петра похожим на студента, пришедшего на пересдачу ранее проваленного экзамена.

Ну что ж, начнем. Настя полагала, что самый эффективный способ обучения – на собственных ошибках. Если давать вначале голую теорию, то без практического применения она все равно в голове не отложится, только время впустую потратишь. Поэтому пусть молодой журналист сперва сам расскажет, какие выводы он сделал из прочитанных материалов, а потом Настя попробует объяснить, в чем он оказался прав, а в чем ошибался и почему.

Если Петр и удивился такому плану, то вида не подал, послушно кивнул и принялся излагать. В 1998 году в Москве, в одной из коммунальных квартир в центре столицы, были убиты супруги Даниловы и их шестилетняя дочь. Через два с половиной месяца после убийства в милицию явился сосед Даниловых по коммуналке и написал явку с повинной. Сотрудничал со следствием, давал показания, потом начал путаться, а на суде от показаний отказался, заявил, что в милиции его били и заставили признаться в убийстве, которого он не совершал. Однако суд к его словам не прислушался и впамят парню пожизненное лишение свободы, которое он и отбывает по сей день.

Это те факты, которые содержались в изложении Петра. Все остальное, как показалось Насте, основывалось на логических построениях самого журналиста.

– Вы уверены в невинности осужденного? – спросила она. – Или мне показалось?

– Уверен. Думаю, что Ксюша работала именно над этой линией. Ну ясно же, как божий день, Анастасия Павловна: трех человек убили, милиция за два с половиной месяца преступление не раскрыла, начальство дергает, требует результат, вот они и прижали первого попавшегося, кто послабее, забили до помрачения рассудка, запугали и заставили признаться. И перед начальством отчитались, дескать, тройное убийство раскрыли.

– Понятно, – кивнула она. – Сколько томов в деле?

– Семь.

– И вы прочитали все семь?

Глаза Петра метнулись в сторону, но всего лишь на мгновение.

– Нет, – признался он, – только приговор.

– А что так?

– Я начал, но быстро запутался. Там все так сложно, и я не понимал, какие документы нужно читать, а какие можно пропустить.

– Что ж, давайте посмотрим. Только сначала выполним маленькое вводное упражнение.

Настя протянула ему листок бумаги.

– Садитесь к столу и пишите крупными печатными буквами.

Петр молча пересел с дивана за стол и взял ручку.

– «Один и тот же набор фактов может породить совершенно разные истории», – мерно диктовала она. – Кавычки закрыть. Джеймс Кэрол. Кавычки открыть. «Хищница». Кавычки закрыть. Написали?

– Да.

– Теперь возьмите кнопки, они вон там, на подоконнике, в коробочке, и прикрепите этот листок так, чтобы он постоянно был у вас перед глазами.

«Интересно, спросит он, зачем это нужно? Или молча выполнит указание?» – подумала Настя.

Петр ничего не спросил. Мальчик не опаздывает и не задает лишних вопросов, есть все основания полагать, что он действительно хочет чему-то научиться.

Она села рядом с Петром, положила на колени пластиковый планшет, подсунув под скобку зажима изрядную стопку чистой бумаги.

– Открывайте первую фотографию.

Щелчок – и на экране появилась корочка уголовного дела с указанием имени и фамилии обвиняемого, перечнем статей Уголовного кодекса и датами начала и окончания.

– Дальше.

На второй фотографии оказалась еще одна корочка, с точно такой же информацией, но заполненная совсем другим почерком. На третьей – опись документов первого тома.

– Дальше.

Теперь перед Настей было окончание описи. Она записала на листке: «стр. 1 – 35 документов, стр. 3 – 1 док., стр. 2 пропущена. Всего: 74 док., на 337 стр.»

– Дальше листаем? – спросил Петр.

Она отрицательно покачала головой.

– Вернитесь в проводник, пожалуйста.

– Зачем?

– Объясню. Вернитесь. А теперь скажите мне, сколько файлов в первом томе.

Петр растерянно посмотрел на нее.

– Не знаю... Надо посчитать.

– Ну так считайте. Я подожду.

«Если ответ последует быстро, значит, мальчик сообразительный, но при этом может оказаться глупым, а может и умным. Есть два способа получить быстрый ответ, но один из них правильный, а другой – неправильный. Правильный способ должен повлечь за собой новые вопросы, ответ на которые потребует дополнительного времени. Если будет считать долго, стало быть, он умнее, чем я думаю. Посмотрим».

Она вышла на кухню в надежде на лучшее: Петр все-таки окажется умным и будет считать долго и тщательно, за это время она успеет выпить чашку кофе. Но надежды не оправдались: кофемашина еще не успела нагреться, как из комнаты раздался голос:

– Четыреста двадцать!

Настя вздохнула, вставила капсулу, нажала кнопку.

– Кофе хотите?

– Да, спасибо, если можно.

Послышались шаги, Петр появился на кухне.

– Анастасия Павловна, я не понял, почему файлов четыреста двадцать.

Она усмехнулась и достала из шкафа вторую чашку с блюдцем, а из коробки – еще одну капсулу.

– А сколько должно быть?

– Триста тридцать семь.

– Триста тридцать девять, – поправила она. – Две фотографии корок, они в описи не учитываются.

– Ну да... Но все равно не четыреста двадцать! Откуда четыреста двадцать-то взялись?

– Держите, – Настя подала ему чашку, – сахар на столе, если нужно. Молока и сливок нет, не обессудьте. Как считали? По номерам?

Вопрос, конечно, риторический, ей и без того понятно, что если ответ последовал так быстро и число столь велико, значит, Петр посмотрел на номера первой и последней фотографий и из большего числа вычел меньшее, то есть выбрал неправильный способ. Примитив!

– Ну да... А как еще посчитать? Не вручную же?

– Именно что вручную. Если не хотите вручную, то там внизу сбоку есть такая строчечка, на которой указано количество элементов в папке, можете туда посмотреть.

– Ёлки... Ну точно, как же я забыл!

Петр быстро поставил чашку на кухонный стол и метнулся в комнату.

– Двести пятьдесят девять, – растерянно проговорил он, после чего снова появился в кухне. – Ничего не понимаю. Почему цифры так пляшут?

Настя взяла свою чашку, и они вернулись в комнату.

– На листочек посмотрите, – она с улыбкой ткнула шариковой ручкой туда, где красовался лист с собственноручно выполненной Петром надписью. – Вот вам первый маленький набор фактов, даже не фактов, а просто чисел. Количество листов в первом томе, количество сделанных фотографий, количество файлов. Я пока покурю, а вы придумайте мне как минимум две разные истории, в которые достоверно вписываются все три числа.

Петр в задумчивости смотрел на экран, машинально листая фотографии.

– Вообще-то понятно, почему кадров сделано больше: дело толстое, плохо раскрывается, фотографировать неудобно, и не все кадры получаются удачными. Чтобы переснять триста тридцать девять объектов, пришлось потратить четыреста двадцать кадров. Неудачные не используются, но номера-то остаются.

– Разумно, – согласилась Настя. – Продолжайте.

– А вот почему файлов меньше, чем переснятых объектов... Первый вариант: человек сфотографировал не все объекты. То есть не все страницы. Хотя нет, так не получится, номера-то в счетчике идут последовательно. Если что-то пропускали при пересъемке, номера все равно шли бы подряд, и последний номер минус первый должен давать результат, равный числу фотографий.

– Хорошо. Еще варианты?

– Человек сфотографировал все страницы, а когда формировал флешку, некоторые пропустил.

– Почему?

– По невнимательности.

– Еще?

– Вирус в компьютере сожрал часть файлов.

– Еще?

– Кто-то, кто был заинтересован, тайно влез в компьютер этого человека или завладел его фотоаппаратом и уничтожил некоторые файлы.

– Еще?

– Флешка формировалась пристрастно...

Петр выглядел озадаченным.

– Погодите, Анастасия Павловна, но ведь получается, что по этим материалам нельзя анализировать дело. Если только в одном первом томе не хватает почти восьмидесяти страниц, то скольких же недостает во всех семи томах?

– Дело анализировать нельзя, – с улыбкой согласилась Настя.

– Выходит, я напрасно приехал? Напрасно все это затеял?

– Вовсе нет. Если вы искренни, конечно. Нам с вами ничто не мешает посмотреть имеющиеся документы, и, если у вас возникнут вопросы, я объясню вам, почему документ составлен так, а не иначе, и что означает в нем каждое слово, и вообще зачем этот документ нужен. Татьяна Григорьевна именно так изложила мне цель наших с вами консультаций. А вот если вы собрались проанализировать дело в полном объеме и написать громкую разоблачительную статью, то с этим – не ко мне. Моя задача – проконсультировать вас как начинающего автора детektivов, а не помогать вам в журналистском расследовании.

Петр выпрямился и посмотрел на нее прямо и даже с вызовом. Теперь он совсем не был похож на робкого студента, дрожащего в преддверии страшного экзамена.

– А как же истина, Анастасия Павловна? Как же идея справедливого правосудия? Неужели вам все равно?

Она вздохнула. Милый наивный мальчик с головой, набитой мифическими идеалами... Сколько болезненных ударов и разочарований ждет его впереди!

– Дорогой Петр, в ваших словах содержатся целых три позиции. Об истине, о справедливости правосудия и о моем равнодушии. Обсуждать все три пункта сейчас мы не будем, а об истине поговорим завтра.

– Почему не сегодня? – набычился молодой человек.

– Хорошо, – Настя проявила неожиданную покладистость, – давайте сегодня. Не далее как час тому назад вы мне рассказывали о том, какая милиция беспомощная, два с половиной месяца не могла раскрыть убийство и от отчаяния выбила явку с повинной из первого попавшегося невинного. Я правильно излагаю?

– Ну... Я понимаю, конечно, что схватили не совсем первого попавшегося невинного, так не бывает. Берут кого-то, кого реально можно подозревать, например, ранее судимого, или доставленного за пьяную драку, или за наркоту, в общем, такого, на кого уже что-то есть, и додавливают. Но в целом – да, все правильно.

– Хорошо, – она кивнула. – Когда произошло убийство?

– Двадцатого июня девяносто восьмого года, – ответил Петр, ни секунды не раздумывая. – В приговоре эта дата повторяется неоднократно, поэтому я точно запомнил.

– А когда возбуждено уголовное дело?

– Не знаю... А где посмотреть?

Настя улыбнулась.

– Где посмотреть, – насмешливо повторила она. – Вы эту дату видели сегодня как минимум два раза. На корках дела. Так вот, оно возбуждено третьего сентября. И закончено второго июля следующего года.

– Ну да, как раз третьего сентября и была написана явка с повинной. Что не так-то?

– Да все не так! Откуда вы можете знать, что по убийству в течение двух с половиной месяцев ничего не было сделано, если дело не возбуждалось? Почему оно не возбуждалось? Когда был обнаружен сам факт убийства? Когда? В тот же день? На следующий? Через неделю? Милицию вызвали, но дело не возбудили? Вы так себе это представляете? Плохих сериалов насмотрелись?

Настя разозлилась и даже не старалась это скрыть.

Петр молчал.

– Ваша истина, за которой вы так стремитесь угнаться, не более чем красивая история, которая вам нужна, чтобы прославиться, – продолжала она уже спокойнее. – Я сейчас скажу одну вещь, которая покажется вам ужасной и даже кощунственной, и обсуждать ее мы пока не будем. Пусть мои слова полежат в вашей голове, обживутся в ней, и через пару дней мы сможем продолжить нашу дискуссию. Готовы?

– Готов.

– Так вот, дорогой мой Петр: истина как таковая, сама по себе, никому не нужна. Для каждого человека истина – всего лишь инструмент для достижения какой-то личной цели. Те, кто утверждает обратное, либо глупцы, либо лжецы и лицемеры. Все, философская часть сегодняшнего урока закончена, переходим к практике. Открываем следующий лист дела и читаем вслух.

– Почему вслух? – не понял Петр.

– Потому что вы не дадите мне флешку, чтобы я могла читать на своем компьютере. А сидеть с вами рядом и смотреть в ваш ноутбук сродни подглядыванию из-за плеча. Если вы

так боитесь за свои материалы, могу предложить вам компромиссный вариант: каждый документ, с которым мы будем подробно работать, вы распечатаете, принтер вон там, в углу стоит. Распечатки будете забирать с собой. Тогда у вас будет полная гарантия, что я никому ничего не передам.

Журналист залился краской, точно так же, как накануне, когда уходил, и Настя почти смутилась. Чего она так наехала на парня? Напугала только... Мягче нужно, спокойнее.

Петр, похоже, обиделся. Пока подключал принтер к ноутбуку и печатал первый документ, не произнес ни слова. Взяв еще теплый лист, Настя примирительно улыбнулась:

– Не сердитесь, Петр. Если я не стану проявлять жесткость и начну гладить вас по головке, то за месяц мы с семьей томами не разберемся, поверьте. Вы пришли за положительными эмоциями или за результатом? За эмоциями – это туда же, куда и за журналистским расследованием, то есть никак не ко мне. Если за результатом – то начинайте читать вслух, а я буду смотреть глазами по распечатке.

– Постановление о возбуждении уголовного дела, – разнесся по комнате торопливый говорок Петра, – Москва, третье сентября тысяча девятьсот девяносто восьмого года... старший следователь прокуратуры... юрист третьего класса... ознакомившись с поступившими в его распоряжение материалами, а именно: с явкой с повинной Сокольникова Андрея Александровича... согласно которой он двадцатого июня тысяча девятьсот девяносто восьмого года в помещении квартиры... дома номер... по улице... города Москвы совершил убийство Данилова Г.С. и Даниловой Л.И... Учитывая, что указанная явка с повинной является достаточными данными, указывающими на признаки преступления, предусмотренного статьей сто пятой, частью второй, пунктом «а» УК РФ... а потому, руководствуясь статьями... постановил: возбудить по указанному выше поводу уголовное дело по признакам статьи...

Петр дочитал постановление и сделал паузу.

– Там внизу еще приписка есть от руки.

– Да, я вижу, – отозвалась Настя.

Под текстом постановления красовалось выведенное перьевой ручкой: «Продолжите расследование», и дата – 01.01.1999. Первое января, вся страна отдыхает после праздничной ночи, а человек службу несет, в чужих делах разбирается. Не позавидуешь.

– Это дежурный прокурор срок следствия продлевал.

– Откуда вы знаете? Здесь нигде не написано, что он дежурный.

– На дату посмотрите. Первое января – нерабочий день. Кстати, совет на будущее: если вы хотите написать художественное произведение, обязательно обращайте внимание на место и время составления документа, не забывайте смотреть в календарь и фиксировать дни недели, праздники и выходные. Иначе вы никогда не сможете составить в голове правдоподобную картину, в которой поведение людей объяснялось бы достаточно логично.

– А-а, ясно... Про сроки следствия расскажете?

– Не вопрос.

Она достала с книжной полки Уголовно-процессуальный кодекс. Первая мини-лекция началась.

Глава 4

Пятница

Неожиданно для самой себя Настя свредничала и велела Петру выполнить домашнее задание: сличить описи каждого из семи томов с имеющимися файлами и составить список отсутствующих либо частично представленных документов.

– Не пытайтесь успеть непременно к завтрашнему дню, – смилостивилась она, заметив выражение ужаса в глазах журналиста, – никакой спешки нет. Но сделать это нужно.

Конечно, радужные картинки, нарисованные Стасовым, согласно которым «два часа позанимались – и весь день свободна», оказались весьма далеки от реалий, ибо первый же документ – постановление о возбуждении уголовного дела – потребовал массы разъяснений и дополнительной информации. Прозанимавшись почти до пяти вечера, Настя выпроводила Петра, потому что устала и стала хуже соображать. А вот Петр, в отличие от нее, был полон сил, ни капельки не устал и горел энтузиазмом. Ах, молодость, молодость... Когда-то и она, Настя Каменская, была такой же неутомимой, жадной до работы, могла сутками не спать. Теперь не то.

Второй день занятий начали со следующего документа, которым оказался протокол явки с повинной.

– Оперуполномоченный второго отдела... – снова забубнил Петр, передав Насте распечатку, – майор милиции Шульга С.В. на основании статьи сто одиннадцать УПК РФ составил настоящий протокол в том, что гражданин Сокольников Андрей Александрович... тысяча девятьсот семьдесят первого года рождения... уроженец... проживает... не работает... явился с повинной в органы милиции и, будучи предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по статье триста один УК РФ... дальше пропуск и какая-то подпись...

– Это Сокольников расписался, чтобы подтвердить, что его действительно предупредили, – пояснила Настя. – Вообще-то полагается оформлять отдельным документом, но иногда делали и так, потому что процессуальные документы имеет право составлять только следователь, а оперативник таких прав не имеет, вот и выходили из положения. Давайте дальше.

– ...показал, что двадцатого июня тысяча девятьсот девяносто восьмого года совершил убийство в квартире... дома номер... по улице... мужа и жены Даниловых, совершивших до этого убийство своей дочери, Даниловой Наташи, шести лет. При этом Данилову Людмилу он убил из пистолета-авторучки, а Данилова Георгия ударил по голове газовым ключом в процессе обоюдной борьбы. Трупы всех трех членов семьи Даниловых на своей автомашине «Мазда» он вывез в Троицкий район Московской области и закопал в лесном массиве. Дальше другим почерком: «С моих слов записано верно, мною прочитано». Дальше: «Явку принял», подпись Шульги.

Петр сильно щурился, напрягая глаза, и Настя поняла, что дело не в плохом зрении, а в необходимости разбирать рукописный почерк. На ее взгляд, почерк у майора Шульги был отличным: четкий, выработанный, ровный, легко читаемый, но... Нынешнее поколение молодых благодаря бурному развитию новых технологий не имеет навыка читать и разбирать рукописные тексты, да и писать ручкой скоро разучатся. Сережа Шульга... Она его помнила, хотя и не знала близко, просто сталкивались пару раз, когда ее отдел на Петровке подключали к оперативному сопровождению расследования преступлений, совершенных на той территории, где работал Сергей. Он был грамотным и профессиональным, но Настя видела, какие часы он носит на запястье и на какой машине ездит, и понимала, что этот оперативник, увы, уже не из старой гвардии. Девяносто восьмой год! Как давно это было! Кажется, в начале двухтысячных она слышала, что Шульга умер. Не погиб при исполнении, а именно умер, причем как-

то нелепо: в обрывках разговоров, всплывших в памяти, фигурировали баня, паленая водка и какие-то криминальные авторитеты.

– Прошу вас, – Настя сделала приглашающий жест рукой. – Я слушаю.

Петр растерялся, взглянул вопросительно.

– Что я должен сказать?

– Все, что считаете нужным. Мы изучили два документа: постановление о возбуждении дела и протокол явки с повинной. Что заметили? На что обратили внимание? Что непонятно? Может быть, что-то смущает?

Молодой человек пожал плечами, бросил еще один взгляд на экран ноутбука.

– Да нет, все понятно. Дело возбудили, явку приняли.

– Наоборот, – поправила она, – сначала явку приняли, потом дело возбудили. Подшито не в том порядке, потому что постановление о возбуждении дела всегда идет вначале, а все остальное уже потом. Так положено. Так что, вопросов нет?

– Нет.

– Хорошо, тогда идем дальше. Какой там следующий документ?

– Допрос Сокольникова, где он рассказывает, как все произошло.

– Читали?

– Пытался, но там... В общем, там не все страницы есть, много пропущено. И от руки написано. Я начал, но быстро сломался.

– Распечатывайте, – вздохнула Настя.

Первый допрос задержанного Сокольникова выглядел и впрямь более чем странно: титульная страница отсутствовала, текст начинался с разъяснений прав: не свидетельствовать против себя и близких родственников; иметь защитника с момента объявления протокола задержания; а также разъяснения, в каком именно преступлении подозревается допрашиваемый. Кстати, о протоколе задержания... В описи, насколько Настя помнила, он числился под номером 3, между протоколом явки с повинной и протоколом первого допроса.

– Нет, – сказал Петр, – в файлах протокола задержания нет.

– Как думаете, почему?

– Наверное, там нет ничего важного.

Может быть, может быть... Ладно, посмотрим.

Итак, задержанный после явки с повинной Андрей Сокольников, двадцати семи лет от роду, подробно и последовательно рассказывал о том, как все произошло. С семьей Даниловых он соседствовал по коммунальной двухкомнатной квартире в течение трех с половиной лет, отношения первое время были нормальными, вполне дружескими, даже строили совместные планы ремонта стремительно ветшавшей жилплощади; затем отношения стали портиться, Даниловы начали злоупотреблять спиртным, не оплачивали телефон, не платили за коммунальные услуги, не выносили мусор, не мыли плиту, не производили уборку мест общего пользования... Перечень претензий к соседям был длинным и подробным, с описанием каждого имевшего место конфликта, и занимал несколько страниц, на которых живописно рисовались картинки от «несмывания за собой в туалете» до «Данилов бросился на меня с ножом». Затем страницы отсутствовали, и повествование возобновлялось с убийства Людмилы и Георгия в ходе обоюдной драки, при этом начало конфликта тоже оказалось пропущено, и было совершенно непонятно, с чего началась ссора и – самое главное! – как погибла шестилетняя девочка. Затем шел рассказ о том, как Сокольников вывозил за город трупы и закапывал их. Затем снова пропуск, после которого имелась лишь самая последняя страница протокола, на которой сверху от руки было написано: «Иных замечаний и дополнений на данный момент не имею», подпись Сокольникова, подписи старшего следователя и заместителя прокурора. Все.

– Как вы думаете, что было на последних пропущенных страницах? – спросила Настя.

У нее имелись предположения, но ей было важно, чтобы Петр сам начал думать.

– Трудно сказать... Трупы вывез, закопал, одежду сжег... Вроде он все рассказал, а судя по номерам, там еще три страницы должны быть.

– Думайте. Поставьте себя на место следователя. Перед вами сидит молодой человек, который рассказывает, как два с половиной месяца назад убил целую семью и теперь пришел с повинной. О чем вы его спросите?

– Не знаю. Мне кажется, следователь спросил все, что нужно.

Она вздохнула.

– Плохо, Петр. Существуют как минимум еще три обстоятельства, которые следователю необходимо было прояснить в ходе допроса. Первое: убийства в том виде, как они описаны Сокольниковым, должны были породить обильные следы крови. Понятно, что человек не станет жить два с половиной месяца среди кровавых следов, особенно такой человек, как наш Андрей Александрович, – приверженец чистоты и порядка. Значит, он следы уничтожал и квартиру отмывал. Как? Чем? Когда? Второе: три человека внезапно исчезают, и что, никто этого не заметил? Никто их не искал? Наверняка искали, и звонили по телефону им, и домой приходили, но заявления в милицию о розыске никто, судя по всему, не подавал. Это означает, что Сокольникову довольно ловко удалось убедить всех интересующихся, что все нормально, люди уехали, например, в отпуск, благо дело было летом.

– Рискованно, – заметил с сомнением Петр. – Им же могли позвонить на мобильный, чтобы убедиться, что они в отпуске, и забеспокоиться, когда ни один номер не отвечает.

Настя рассмеялась. Боже мой, как быстро все меняется!

– В девяносто восьмом году мобильные были далеко не у всех, по тем временам такое удовольствие считалось дорогим. Это сейчас можно купить аппарат практически на любой карман, а если серый – так и вовсе за копейки, а тогда за трубку нужно было выложить приличную сумму, да и разговоры были не дешевыми. Если хотя бы половина того, что Сокольников рассказал на допросе, правда, то есть муж и жена Даниловы регулярно попивали и постепенно опускались, то я готова голову дать на отсечение, что у них не было не только мобильных, но и пейджеров. Так что слова об отъезде в отпуск, например, куда-нибудь в деревню, проверить невозможно. Следователь обязательно должен был задать соответствующие вопросы.

Она сделала паузу, вернулась к первой странице протокола, усмехнулась.

– А третий пункт вы должны сформулировать сами, дорогой Петр. Направление мысли я вам задала, думайте.

– Ну Анастасия Павловна, так нечестно! Я же не специалист в уголовном процессе, я ничего в нем не понимаю, а вы хотите, чтобы я догадался. Хоть подскажите: мне нужно что-то в кодексе посмотреть? В каком разделе?

– Вопрос не на знание права, а на знание жизни. Думайте. В кодекс смотреть не нужно, достаточно просто напрячь извилины.

Настя посмотрела на обескураженное лицо журналиста и рассердилась на себя. Взрослый парень, самостоятельный, получил высшее образование, работает, к чему-то стремится, хочет написать книгу, а она с ним разговаривает, как с малолетним недоумком. Стыдно. Не выйдет из нее педагог, зря Таня на нее понадеялась.

– Начните с первой страницы, с листа разъяснений, – посоветовала она, смягчив тон. – Обратите внимание на разъяснение права на защиту.

Петр защелкал мышкой, листая фотографии, нашел нужную, пробежал глазами.

– В настоящее время я готов дать показания без защитника, от последнего отказался не по материальным соображениям, – прочел он вслух. – Это?

– Да, – кивнула она. – А теперь последнюю страницу посмотрите.

– Так там же ничего нет! – удивился Петр. – Замечаний и дополнений не имею, и три подписи.

– Там есть одно очень важное слово: «иных». Читайте внимательно. «Иных замечаний и дополнений на данный момент не имею». Значит, на предыдущей, пропущенной, странице есть как минимум одно замечание к протоколу. А возможно, и не одно.

– Это означает что-то важное? – в голосе Петра зазвучала напряженная настороженность.

– Как знать... Давайте на минутку представим себе, что вы правы в своих первоначальных предположениях и все было именно так, как вы мне рассказывали. Андрей Сокольников – удобная легкая жертва милицейского произвола. На допросе он говорил о том, что дважды обращался к участковому по поводу ненадлежащего поведения соседей, и участковый предложил им разъехаться, коль уж они не могут ужиться под одной крышей. В описи материалов первого тома пропущена вторая страница, и я готова сделать немыслимое допущение, что именно на второй странице указаны документы, из которых следует, что информация о загадочном исчезновении семьи Даниловых у милиции была задолго до того, как их сосед явился с повинной. Я просила вас сделать сверку материалов по описям. Сделали?

– Только первый и второй том пока.

– Ну и как? Есть там такие материалы?

– Во втором томе точно нет, там опись полностью сфотографирована. А насчет первого тома не уверен, потому что многие файлы пропущены, а второй страницы описи нет, и невозможно определить, чего не хватает.

– Хорошо, сегодня я буду доброй и проявлю чудеса доверчивости: в милиции знали, что Даниловы пропали, их искали, подозревали убийство, опрашивали свидетелей. Дошло дело и до участкового по месту жительства Даниловых, и тот вспомнил, что имел место длительный конфликт с соседом, даже парочку заявлений от этого настырного соседа показал. Молодой, задиристый, неуживчивый, неработающий – просто золотое дно для выбивания явки с повинной. Протокола задержания, как мы помним, нет, он благоразумно пропущен, поэтому я делаю следующий шаг доброй воли вам навстречу и допускаю, что плохие злые дяди-милиционеры ворвались в квартиру, схватили Сокольникова, выкрутили ему руки, стали бить тяжелыми ботинками в живот, надели наручники и увезли в околоток, где продолжили физические и моральные издевательства, пока окончательно не сломили его волю и не заставили признаться в убийстве. Если вы не можете поставить себя на место следователя, то поставьте себя хотя бы на место задержанного. Представьте, что вы действительно невиновны, никого не убивали, ваши соседи куда-то уехали, но поскольку отношения с ними натянутые, чтобы не сказать плохие, они вас ни о чем не предупреждали, а сами вы вопросов им не задавали. Вы вообще почти не разговаривали. Вы живете своей спокойной жизнью, и вдруг посреди полного здоровья к вам врываются, избивают, сажают в обезьянник и заставляют признаться в убийстве. Вы полностью деморализованы, следователь вас допрашивает, допрос длится очень долго... Жаль, что пропущена титульная страница, там проставляется время начала и окончания допроса, так что теперь о его длительности можно судить только предположительно, но, – она снова взяла в руки опись, – протокол занимает восемь листов дела, это шестнадцать страниц. Немало. Допрос долгий. Представили?

Петр откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза, о чем-то размышляя.

– Вы хотите сказать, что в таком состоянии человеку будет не до замечаний к протоколу? – задумчиво пробормотал он.

– Именно, – улынулась Настя. – Чтобы принести замечания, Сокольникову нужно было внимательно и вдумчиво прочитать шестнадцать страниц рукописного текста, ну хорошо, пусть пятнадцать, учитывая, что на последней странице почти ничего нет, и сформулировать как минимум одну поправку. В показаниях Сокольникова очень много деталей. Если он не убивал, значит, должен был выучить все эти подробности наизусть, потом проверить, насколько правильно они отражены в протоколе, найти неточности и указать на это следователю. Как вы считаете, это реально? Сначала тебя неожиданно задерживают, потом бьют и запугивают,

потом ты заучиваешь наизусть довольно сложную картину, потому что обоюдная драка – это всегда очень сложно, в отличие от заранее спланированного убийства, потом выдерживаешь длинный допрос и не путаешься, а потом еще перечитываешь протокол и находишь ошибки. И все это происходит в течение одних суток. Вижу по вашему лицу, что вы согласны: это полная чушь. Все было совсем не так.

– А если следователь был очень умным? – задал Петр неожиданный вопрос.

– Вы хотите сказать, он был в сговоре с операми? Написал протокол так, как нужно, а не так, как показывал Сокольников, потом сам же подсказал замечания на умышленно сделанные ошибки, чтобы протокол выглядел пристойно. Теоретически это возможно, но, как говорится, дьявол кроется в деталях. Умные и даже очень умные следователи в конце девяностых еще имелись, это правда. Но если не было трупов и никто не видел места происшествия, то откуда оперативникам и следователю были известны эти самые многочисленные детали, отраженные в протоколе? Каждое слово, сказанное Сокольниковым по поводу события преступления, будет проверяться многочисленными экспертизами. Нельзя выбивать из человека явку с повинной в том, что он кого-то, например, застрелил из пистолета, а потом судебно-медицинская экспертиза покажет, что потерпевший был задушен или сбит автомобилем. Так никто не работает, это сказки. Для вашей красивой истории о выбивании признания из невиновного у правоохранительных органов должна быть полная картина преступления, в которой не хватает только одной маленькой детали – личности преступника. Все остальное они знают достоверно: время, место, способ, последовательность действий, даже мотив. А в случае с Сокольниковым, похоже, они заранее не знали вообще ничего. У них даже трупов не было. Ну как, сообразили, каков третий пункт, по поводу которого следователь должен был задавать вопросы?

– Кажется, да. Почему Сокольников именно сейчас пришел с повинной? Что заставило его признаться, если все было тихо, Даниловых никто особо не искал, милиция его не беспокоила? Совесь замучила? Или что?

– Правильно, – Настя одобрительно кивнула. – Перерыв на кофе, и продолжим.

Она снова бросила взгляд на опись. Дальше пойдут постановление о производстве выемки, протокол выемки документов, какая-то справка, постановление о создании бригады, постановление о принятии дела к своему производству, ордер защитника... Ничего сложного. Если у Петра и будут вопросы, то чисто процедурные. А насчет защитника Сокольников, выходит, все-таки передумал, пригласил адвоката. Любопытно, почему отказался от него при первом допросе и почему изменил свое мнение. Неужто и впрямь совесть загрызла, и он пришел в милицию, имея твердое и непреклонное намерение во всем признаться, покаяться и смиренно принять положенное наказание! Он был честен, оправдываться, защищаться и уклоняться от ответственности не собирался, шаг совершил обдуманный и добровольный, поэтому изложил все детали и хладнокровно проверил правильность протокола. Никто его не бил, никто ему ничем не угрожал. Но через какое-то время Андрей Александрович одумался, опомнился, былая решимость испарилась, тут и защитник появился, и, если верить Петру, показания начали меняться. Хотя верить Петру, пожалуй, не стоит, материалы он не читал, а приговор только просмотрел по диагонали.

Впрочем, все это не имеет никакого значения. Что произошло? Как произошло? Почему? Да какая разница! Ее задача – документы и процессуальные действия.

За кофе, который они пили на кухне, грызя печенье, говорили о техническом прогрессе. Документы, собранные в первом томе, большей частью выполнены либо от руки, либо на пишущей машинке.

– Когда я вчера делал сверку, – говорил Петр, – то обратил внимание, что заключения экспертов напечатаны на матричном принтере, значит, у них компьютеры были, а у следователей, получается, не было? Почему?

– Бюджет, – неопределенно ответила Настя. – В девяностые годы даже зарплату далеко не всегда вовремя выдавали, что уж говорить о техническом оснащении. Сколько лет вам было в девяносто восьмом? Пять? Значит, об этом периоде вы имеете очень слабое представление. В то время люди жили не просто «иначе». Мы жили «принципиально иначе».

– Еще я хотел спросить... – Петр замялся. – Вчера вечером я, когда сверял опись с файлами, наткнулся на один документ, прочитал, ничего не понял и решил посмотреть в законе, что это за статьи, на которые следователь ссылается. И еще больше запутался. Документ про одно, а статьи закона как будто вообще про другое. Как так может быть? Следователь ошибся, не тот номер статьи указал?

О как! В законе он посмотрел! Интересно, в каком?

– В Уголовно-процессуальном кодексе, – недоумевающе ответил Петр. – Вы же сами мне велели в кодекс почаще заглядывать.

Да, велела, но кодекс ему с собой не давала. И где ж он его взял? Оказалось – в интернете. Ну ясное дело... Молодежь!

– Дорогой Петр, – сказала Настя, давясь от смеха, – вы смотрели в новый УПК, который принят только в начале двухтысячных. А в девяносто восьмом году вся страна жила по старому кодексу, существовавшему аж с шестидесятых годов прошлого века, правда, со множеством всяких демократических дополнений. Но все равно это совершенно другой кодекс, с другой структурой и другими номерами статей. Так что если соберетесь дома что-то проверять, ищите в интернете старый УПК, он там есть. Вы что же, не обратили внимания, какого года издания тот кодекс, который я вам показала?

– Не обратил, – сокрушенно признался журналист. – Но спасибо за науку, буду иметь в виду.

После кофе быстро разобрались с документами, касающимися выемки, и споткнулись о справку, составленную старшим инспектором-дежурным первого отдела. Текст справки, на которой было указано точное время составления – 4 сентября 1998 года, 12 часов 30 минут, гласил: «Мною, старшим инспектором-дежурным УССМ при ГУВД капитаном милиции Варенцовым В.Б., 04.09.1998 г. около 08 час. 50 мин. для адвоката Самоедова Виктора Ивановича по пейджинговой связи (тел. 239-90-02, доб. 4528) была направлена информация о необходимости связаться с дежурным УССМ. До 09 час. 45 мин. звонок от адвоката Самоедова в дежурную часть не поступал. Когда помощником дежурного старшиной Песковым В.С. Самоедову В.И. была повторно направлена информация, то он перезвонил в УССМ около 10 час. 20 мин. В разговоре мною Самоедову была передана просьба гр-на Сокольников А.А. об оказании юридической помощи, т.к. Сокольников задержан в порядке ст.122 УПК. Самоедов дал согласие, уточнил адрес, куда необходимо явиться. До 12 час. 30 мин. в УССМ Самоедов не пришел.

По указанному гр-ном Сокольниковым А.А. второму телефону 539-33-37 адвокат Филимонов Николай Николаевич не отвечает».

Очень интересно! И еще более интересными оказались две другие справки. Одна, составленная оперативником майором Шульгой, информировала о том, что 4 сентября в 11.00 адвокат Самоедов позвонил в УССМ и сказал, что занят и проводить следственные действия в течение 4 сентября не может. Другая же справка, написанная все тем же Шульгой, но спустя пять дней, 9 сентября, утверждала: «При проверке по учетам адвокатуры города Москвы адвоката Филимонова Николая Николаевича не значится. Единственный адвокат по фамилии Филимонов – Николай Ильич, умер два года назад. Телефон 539-33-37 по базе данных МГТС не значится». Подпись Шульги, ниже – заверительная подпись Сокольников, дескать, со справкой ознакомлен.

Это несколько меняло всю картину. Сокольников 3 сентября является с повинной, явку принимают, следователь тут же возбуждает дело и выносит постановление о задержании подозреваемого, утром нужно допрашивать, но Сокольников хочет отвечать на вопросы следова-

теля в присутствии знакомых адвокатов. Их разыскивают, но не вполне успешно: один не является, ссылаясь на занятость, второй и вовсе не находится. Сокольникову предлагают воспользоваться услугами дежурного адвоката за государственный счет, но он гордо отказывается. Мол, или мои, доверенные-проверенные, или никакого не надо. Ну ладно, хозяин – барин. Хотя на поведение человека, твердо решившегося на обдуманый и осмысленный, но очень трудный шаг, это мало походило. Если уж ты набрался моральных сил пойти в милицию и признаться в совершенном тяжком преступлении и при этом считаешь, что тебе понадобится защитник, то должен позаботиться об этом заранее, тем более что знакомые адвокаты у тебя есть и ты даже наизусть помнишь номера их телефонов. Почему не договорился с ними предварительно, если считал, что адвокат будет нужен? А если полагал, что прекрасно обойдешься без защиты, то с какого перепугу начал их вызванивать перед первым допросом? Или все-таки договорился заранее, а они тебя кинули? Оба сразу?

Сплошные вопросы.

– Распечатайте-ка мне все ордера из первого тома, – попросила Настя. – Не нравится мне эта суета с адвокатами. Что-то тут не то.

Через несколько минут, когда Петр протянул ей распечатанные листы, картина начала проясняться. В первом же ордере стояли две фамилии: адвокат Елисеев Р.И. и некто «пом. Самоедов В.И.». Помощник, что ли? Но это более чем странно. Официально должность «помощник адвоката» появилась в 2002 или в 2003 году, в новом Законе об адвокатской деятельности. На 1998 год действовал еще старый Закон, 1980 года, в котором никакие помощники адвокатов не упоминались. Разумеется, в реальной жизни они были, Настя это хорошо помнила, но чтобы оказаться вписанным в ордер... У них же не было никаких процессуальных прав, помощники периода девяностых были в основной своей массе просто мальчишками на побегушках, подай-принеси, отвези-привези, напечатай-распечатай, свари кофейку.

– Посмотрите, пожалуйста, на каких следственных действиях присутствовал адвокат Елисеев, – сказала она.

– А где смотреть?

– В ближайших к ордеру материалах. Что там дальше? Допрос? Обыск? Выемка? Осмотр?

– Сразу после ордера идет бумага от следователя на имя начальника ИВС, что он разрешает свидание подозреваемого Сокольникова с его защитниками – адвокатами Елисеевым и Самоедовым.

– В тот же день?

– Да, ордер от шестого сентября и разрешение тоже.

Прелестно! Следующий ордер, подписанный в дело, датирован 10 сентября, в нем значится совсем другая фамилия. А вот и еще один ордер, выписанный 4 сентября, но вовсе не Елисееву и не Самоедову.

– Постановление об оплате адвоката есть? – спросила она.

– Где смотреть?

– Где-нибудь поближе к документам четвертого или пятого сентября.

Снова щелчки мышкой...

– Есть, пятого сентября.

– Давайте посмотрим, где какие адвокаты присутствовали и что делали, а то я окончательно запуталась.

Глаза молодого журналиста внезапно загорелись, щеки порозовели.

– Вы считаете, что здесь какой-то подвох? – возбужденно заговорил он. – Какие-то нарушения закона, чтобы скрыть шероховатости в версии следствия? Может, Сокольников действительно невиновен, а следователи пытаются навесить на него...

– Ничего такого я не считаю, – резко ответила Настя. – И мне совершенно не интересно, виновен ваш Сокольников или нет. Моя задача – объяснить вам ход предварительного следствия и научить разбираться в документах, а участие защитника – важный элемент процесса, и пока мы не внесем ясность в этот вопрос, мы не можем двигаться дальше. Читайте вслух.

– Но тут много всего, – растерянно проговорил Петр, которому затея чтения вслух мало-понятных документов, написанных канцелярским слогом, явно не нравилась.

– У вас были варианты, и вы свой выбор сделали, – сухо сказала она. – Персональный компьютер является частью личного пространства человека, и читать с вашего ноутбука я не стану, я уже предупреждала.

«Опять я вредничаю, – с неудовольствием отметила про себя Настя. – Неужели у меня начал портиться характер? Неужели вот так проявляются возрастные изменения, которых я так боюсь?»

Чего она вцепилась в этих сменяющих друг друга адвокатов? Объяснила мальчику, зачем нужен ордер и какова процедура его получения, рассказала об оплате адвокатов по назначению и по приглашению – и всё, иди дальше, не пытайся установить истину по делу двадцатилетней давности на основании неполного комплекта документов, это пустая затея, тем более что никто тебя об этом не просил.

Чутье, однако, подсказывало ей, что именно в этой дурацкой ситуации с защитниками кроется что-то очень важное. Она не собиралась идти на поводу у Петра и докапываться до правды, но с любовью к решению задачек ничего поделывать не могла. «Я ничего ему не скажу, – твердила себе Настя, слушая монотонное бормотание журналиста, быстро читающего документы. – Но сама для себя попытаюсь понять».

Итак, 3 сентября уголовное дело по обвинению Андрея Соколового в убийстве Даниловых возбуждается, подозреваемый задерживается. Происходит это, судя по всему, поздно вечером, в противном случае первый допрос провели бы сразу, в тот же день. Подтверждение можно найти в протоколе выемки, на нем проставлено время: 4 сентября 1998 года, начало выемки в 04 часа 10 минут, окончание выемки в 04 часа 30 минут. Изъяты паспорта на имя Данилова Г.С. и Даниловой Л.И. Иными словами, человек до такой степени продуманно явился с повинной, что даже паспорта своих жертв с собой прихватил.

Проведя несколько часов в камере, Сокольников вдруг озабочился поисками защитника, продиктовал дежурному номера телефонов и попросил позвонить. Следователю нужно начинать допрос, но он добросовестно ждет, когда у подозреваемого появится защитник. Время идет, защитники не появляются, один из них, Самоедов, вроде бы выразил готовность приехать, но потом перезвонил и отказался, второй, Филимонов, вообще непонятно где находится, к телефону не подходит. Терпение заканчивается (интересно, у кого? У Соколового? Или у следователя?), допрос начинается, в протоколе появляется отказ подозреваемого от участия защитника в данном следственном действии. Сразу после окончания допроса происходит выезд на место захоронения трупов, и тут уж без участия адвоката никак нельзя, вызывают дежурного из консультации в порядке статьи 49 УПК. О том, что участвовал адвокат именно по назначению, а не по приглашению, свидетельствует постановление об оплате. Услуги защитников по приглашению оплачивают сами клиенты, работа же защитников, «выполняющих сорок девятую», оплачивает государство. На следующий день, 5 сентября, выносится постановление и производится обыск в квартире, где проживали потерпевшие Даниловы и подозреваемый Сокольников, титульного листа опять нет, но есть последняя страница, на которой перечислены участники следственного действия, своими подписями заверяющие, что протокол ими прочитан, замечаний и дополнений не имеется: двое понятых, специалист в области криминалистики, специалист в области судебной медицины, мастер РЭУ, два старших следователя прокуратуры. Подписи адвоката нет, и непонятно, присутствовал ли он на обыске. И, наконец, 6 сентября появляется тот самый Самоедов, которого столь упорно разыскивали по просьбе

задержанного. Только никакой он не адвокат, а вовсе невразумительная личность, обозначенная в ордере буквами «пом.». Но как бы его ни обозначали, разрешение на встречу с Сокольниковым следователь ему дал. Почему-то... И в своем разрешении назвал его «защитником». Позволил себя уговорить? Или взял деньги? Или же оказался настолько безграмотным, что не видел юридической разницы между адвокатом и помощником адвоката? Надо будет предложить Петру все три варианта, а он уж сам пусть решает, какой из них использовать в своей будущей нетленке.

А дальше все развивается совсем интересно: 6 сентября Елисеев и Самоедов встречаются и беседуют с Сокольниковым, после чего вплоть до 10 сентября никаких следственных действий, требующих участия защитников, не производится. Следователь планомерно допрашивает свидетелей – родителей и старшую сестру задержанного, производит выемку каких-то находящихся у них предметов... А 10 сентября при повторном осмотре местности, где захоронены трупы, появляется новый защитник, с ордером, все как положено. И снова в порядке статьи 49, то есть по назначению. Выходит, Елисеев и Самоедов банально соскочили. Когда адвокат Елисеев принял решение отказаться от участия в деле? На каком основании? Понятно, что официально он сослался на внезапную болезнь или еще какой-то форс-мажор, но в чем настоящая причина? Скорее всего, в деньгах. Сокольников числился неработающим, стало быть, вряд ли у него был постоянный источник солидного дохода, в противном случае он не стал бы мучиться в коммуналке с соседями, вызывающими у него непрерывное раздражение и отвращение. На оплату услуг адвоката по приглашению у него просто не оказалось средств. На что же он рассчитывал, когда столь упорно добивался приглашения Самоедова или Филимонова? Не подозревал, что услуги адвоката столь дороги? Ожидал каких-то финансовых поступлений в ближайшее время? Или полагал, что они по дружбе будут защищать его бесплатно? Ну и надолго ли хватило этой дружбы? Всего лишь на одну встречу в изоляторе временного содержания. Более того, Андрей Сокольников, судя по всему, был уверен, что его приятели Самоедов и Филимонов – самые настоящие полноценные адвокаты, хотя они на самом деле находились в сомнительном статусе «помощников». Потому и в реестре Московской коллегии Филимонова не оказалось. Получается, они обманывали Сокольникова? А он оказался чрезмерно доверчивым?

На протяжении всего сентября адвокаты меняются каждые несколько дней, то есть на следственные действия при необходимости вызывают дежурного из консультации, после чего наступает период относительной стабильности. Похоже, родственники Сокольникова, скорее всего родители, нашли деньги и пригласили защитника по договору.

Ладно, с этим вопросом вроде бы разобрались, хотя внутренний голос настойчиво шепчет Насе Каменской: именно здесь, в истории с помощниками адвокатов, закопано маленькое зернышко. Что за зернышко? И что должно из него прорасти?

Надо перестать думать об этом. Лучше подумать о протоколе осмотра местности, потому что с ним все еще более непонятно, нежели в истории с чехардой адвокатов.

Что мы имеем по документам? В 11 часов утра помощник адвоката Самоедов посредством телефонного звонка уведомляет, что не сможет из-за большой загруженности принять участие в допросе Сокольникова. О том, что он всего лишь помощник и что на самом деле речь должна идти о его шефе Елисееве, господин Самоедов предусмотрительно умалчивает, в противном случае оперативник Сергей Шульга обязательно указал бы это в справке. Следователь начинает допрос, Сокольников подписывает согласие давать показания без участия защитника. 15 страниц протокола, написанных от руки, – немало. Сказано было как минимум раза в три больше. Титульной страницы, как уже отмечалось, нет, время начала и окончания определить невозможно, но зато есть титульная страница протокола осмотра местности, где указано, что осмотр проводился 4 сентября, начался в 14.00, окончен в 20.00. Вероятно, в конце девяностых следователям московской прокуратуры выдавали в личное пользование ковры-самолеты.

В 11 утра еще даже допрос не начался, а через три часа вся бригада вместе с задержанным уже находилась в Троицком районе Московской области. Лихо!

– Как такое может быть? – недоуменно спросил Петр, когда Настя по минутам разложила ему первую половину дня 4 сентября и показала на карте маршрут от здания, где проходил допрос, до указанной в протоколе осмотра территории. – Такой большой сложный допрос... Что же, его за полчаса провели?

Она одобритительно кивнула.

– Хороший вопрос. Но сейчас вы удивитесь еще больше. Что у нас с протоколом осмотра местности?

– По описи – семь листов, в файлах – только пять. Первая и вторая страницы протокола, потом пропуск двух страниц, и еще три листа с фотографиями.

– И что на фотографиях?

– Люди... В подписях к фотографиям сказано, что подозреваемый Сокольников указывает направление движения... Больше ничего.

– Вот и скажите мне, будущий писатель, что выехавшая на место бригада делала с двух часов дня до восьми вечера? Ну, сделали несколько фотографий, это пять минут, а еще что?

– Как – что? Трупы искали, это же очевидно. Для этого и выезжали.

– И где же фотографии этих трупов и мест их захоронения? Они должны быть, а их нет. Почему?

– Но в протоколе же, наверное, все подробно описано, просто эти страницы пропущены, – растерялся Петр. – Я не знаю, что делают на таких мероприятиях, это вы мне должны рассказывать. Вы должны меня учить, а вы только экзаменуете!

В его голосе зазвучала плохо скрытая злость. «Опять я зарвалась, – с досадой сказала себе Настя. – Почему я не могу взять себя в руки и быть белой и пушистой?»

– Я не экзаменую вас, – проговорила она как можно мягче. – Если вам так показалось, то примите мои извинения. Я пытаюсь помочь вам настроить мышление на создание реалистичного сюжета. Вы придумаете свою книгу, и в ней будет все так, как вы захотите, но при этом вы будете более или менее отчетливо представлять, как все происходит в реальной жизни.

– Но для того, чтобы придумать и написать свою книгу, мне необходимо выяснить, что произошло на самом деле с этим Сокольниковым! Как же вы не понимаете!

Она усмехнулась. Журналист. Не писатель.

– Понимаю. Прекрасно вас понимаю. Но я действую строго в рамках поставленной передо мной задачи. Я не являюсь действующим офицером полиции и не работаю в прокуратуре, у меня нет ни полномочий, ни внутренней потребности разбираться в деле двадцатилетней давности. Меня попросили помочь с экспресс-курсом уголовного процесса по старому кодексу – я помогаю. И не нужно пытаться мной манипулировать, взывая к чувству справедливости. В каждом сомнительном месте я буду предлагать вам варианты объяснений: что и как могло происходить, исходя из реалий того времени. Если к концу наших с вами консультаций вы научитесь самостоятельно придумывать такие варианты, то я буду считать, что свою задачу выполнила.

Злость в глазах Петра Кравченко сменилась веселым азартом.

– Я могла бы, как и вы, начать с изучения приговора, – продолжала Настя. – Но в этом случае вы не сможете поставить себя мысленно ни на место следователя, ни на место оперативника. Мы будем читать дело последовательно, и не так, как оно шито, а строго хронологически, чтобы вы смогли представить себе, какая информация и откуда поступает, как ее обдумывают и анализируют, как принимают решения. В конце концов, вам нужно получить хотя бы приблизительную картину того, из чего состоит работа сотрудников правоохранительных органов и какие бумаги им приходится составлять. Уверяю вас, веселого в этой работе мало, особенно если учесть, что речь идет о девяностых годах, когда компьютеры в органах

внутренних дел и в прокуратуре были огромной редкостью. Это сейчас все поголовно ходят с флешками и перекидывают один и тот же текст с компьютера на компьютер, из документа в документ. А раньше все было иначе. Дольше, кропотливее, труднее. Так как, Петр? Вы еще не оставили свой замысел о поисках истины в деле конца девяностых? Я имею в виду, разумеется, замысел детектива, а не журналистского расследования.

Он посмотрел на часы.

– Давайте на сегодня закончим, я к завтрашнему дню постараюсь составить перечень файлов в хронологическом порядке. Вы правы, Анастасия Павловна, я надеялся прояснить все вопросы наскоком, но теперь вижу, что так не получится. И у меня появилось встречное предложение. Можно?

– Валяйте, – разрешила она с улыбкой.

– Давайте завтра встретимся в центре, на той улице, где находилась эта коммуналка. Погуляем, посмотрим, что там и как, близко ли метро, а вы мне расскажете, как все было в девяносто восьмом году.

Настя нахмурилась. Для журналистского расследования такое желание вполне объяснимо, но для художественного произведения выглядит надуманным. Понятно, что молодой человек собирается в своей книге описывать Москву конца девяностых и хочет понять, каким был город, но для этого подойдет любое место, и вовсе не обязательно тащиться в центр столицы и шататься по переулку, поименованному в уголовном деле по обвинению Сокольников.

– Вы так и не оставили надежду объехать меня на кривой козе? – усмехнулась она. – Гонят в дверь – пытаетесь влезть в окно?

– Да нет же, Анастасия Павловна! Ничего такого делать я не пытаюсь, просто у меня фантазия слабовата, и мне будет легче, если я посмотрю на тот дом, погуляю по двору, по улице, и когда буду читать дело, смогу все это себе представлять. Ну пожалуйста!

Глаза у журналиста были в этот момент вполне честными. Или по крайней мере казались такими. Никуда ехать Насте не хотелось, но она понимала, что любое общение, даже учителя с учеником, требует компромиссов и взаимных уступок.

Тяжело вздохнула и согласилась.

Собрала распечатанные листы, чтобы вернуть Петру, сверху положила лист с описью, машинально скользнула по нему глазами. Да, все так, протокол осмотра местности на четырех листах и к нему фототаблица на двух листах. Идиотизм! По делу о трех трупах и, соответственно, трех захоронениях так не бывает! А вот и второй протокол осмотра местности, на пяти листах, и фототаблица к нему занимает восемь листов. Это уже ближе к истине. До распечатывания второго протокола дело сегодня не дошло, Петр собрался уходить, ноутбук выключил. Ладно, в следующий раз посмотрим, что там и как. Но странно, что журналист так легко согласился прервать обсуждение на столь непонятном месте. Хотя... Возможно, он просто не понимает, насколько оно странно выглядит, это непонятное место. Ну, протокол – и протокол, чего такого-то?

– Я задержу вас еще на пару минут, – сказала она, уже стоя в прихожей. – К завтрашнему дню попробуйте придумать историю, которая объясняла бы, почему осмотр местности продолжался шесть часов, а в фототаблице наличествуют только фотографии, где подозреваемый «указывает направление движения».

Петр посмотрел на нее удивленно.

– А что еще он должен указывать?

– Например, место захоронения трупов. Должны быть фотографии этого места, фотографии раскопов, самих трупов. Где они? Почему их нет?

– Они есть во втором протоколе, я видел, когда пытался дело прочитать.

– А в первом почему нет? – настойчиво спросила Настя. – На дату второго осмотра вы, конечно, внимания не обратили?

– Не обратил, – признался он. – Я же тогда не знал, что это важно. Хотите, я включу ноут и мы прямо сейчас посмотрим?

– Не нужно. Дома посмотрите и завтра мне скажете. В любом случае картина получается такая: выезжают на место, проводят там шесть часов, но трупы не находят. Почему? Придумайте историю, которая объясняла бы ситуацию. Кому-то из участников осмотра могло стать плохо, например. Все засуетились, вызвали «скорую» и так далее. Второй вариант – погода. Могла начаться гроза с ураганным ветром, все спрятались по машинам и ждали, когда непогода утихнет, но не дождались. Еще вариант: кто-то из участников осмотра ехал на другой машине или другим маршрутом, попал в аварию, его ждали, но он так и не приехал, а без него начинать нельзя было. Подумайте, какие еще причины могли быть для того, чтобы в итоге получилось так, как получилось: шесть часов провели на местности, результата нет. В протоколе это обязательно должно быть отражено, но вам повезло: этих листов нет, и у вас теперь полная свобода творчества.

– А если в архиве дело посмотреть? Анастасия Павловна, вы же наверняка можете...

Ну вот, снова-здорово! Он глухой, что ли, этот Петр Кравченко? Или тупой?

– Нет, – быстро и резко ответила она.

Возможно, слишком быстро и слишком резко. Почему ее так бесит этот парень с его неумным стремлением выяснить, как все было на самом деле? Потому что похож на нее саму, какой она была в его годы? Или она, Настя Каменская, становится с возрастом нетерпимой и раздражительной? Плохой из нее учитель, не хватает терпения и спокойствия на бесконечные повторения одного и того же.

Она разозлилась на себя. Пришлось сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Мы с вами не ищем истину, Петр. Мы пробегаем галопом по верхушкам Уголовно-процессуального кодекса, используя ваши материалы в качестве модели, учебного дела. Если вы хотите выйти за обозначенные рамки – ваше право, ищите ходы в архив, но не через меня.

Молодой человек выглядел удрученным и разочарованным. Похоже, он все-таки надеялся вывести их совместные занятия в колею журналистского расследования и использовать связи своего консультанта. Что, в Тюмени не нашлось ни одного следователя, который мог бы справиться с поставленной задачей не хуже, а то и лучше? Зачем нужно было обращаться к Татьяне, тратить отпуск на то, чтобы приехать, расходувать деньги на съемную квартиру, когда все то же самое можно было сделать на месте? Пете нужна Москва, нужны связи московских следователей, архив Мосгорсуда, нужна местная информация.

– Не сердитесь, – миролюбиво добавила Настя. – Ваша задача – не «узнать, как было на самом деле», а придумать объяснение, как и почему могло так получиться. Так сказала Татьяна Григорьевна, а ее слово в данном случае имеет силу закона. Поэтому узнавать мы с вами ничего не будем.

– Ладно, я понял, – недовольно пробормотал Петр.

* * *

– Катя! Катя! Он опять мою форму для физры перепрятал! Ну скажи ему!

– Не «он», а Женя, – строго поправила Катя, с трудом пряча улыбку. – Сколько раз я тебе повторяла: нельзя употреблять личные местоимения и говорить «он» или «она» о человеке, который находится рядом с тобой. Это неприлично. Нужно называть по имени.

– Ну ладно, пусть Женя, но он же перепрятал! – с возмущением отозвалась девятилетняя Света.

Жене уже почти двенадцать, скоро день рождения будут отмечать. Взрослый парень, а подшутить над младшей сестренкой случая не упускает. Катя никогда не сердилась за это на детей, ведь шутка – это улыбка, а улыбка – это радость. Разве плохо, что в жизни ребенка есть

радость? Да и вообще, она никогда не сердилась на детей, ни на этих – брата и сестру своего мужа, ни на других, с которыми постоянно имела дело. Она просто не знала, как это – сердиться на детей. Не умела. И искренне не понимала, почему другие люди сердятся, да еще так часто и сильно. Зачем сердиться? Нужно просто понимать, как ребенок думает, как он чувствует, и тогда все его поступки будут выглядеть логичными и оправданными и сердиться будет уже не на что. Беда в том, наверное, что люди в большинстве своем давно забыли, как работали их малышовые мозги, и ждут от детей разумного взрослого поведения. Они не помнят, какими сами были в пять лет, в восемь, в тринадцать... А Катя помнит. Помнит очень хорошо. Поэтому умеет не только любить детей, но и понимать их, и находить с ними общий язык.

Конечно же, высокий не по годам Женя ухитрился засунуть сестренкину форму для физкультуры на самую верхнюю полку, куда Катя с ее росточком дотянуться не могла. Пришлось звать на подмогу рослого мужа, который, как и его младший брат, породой пошел в деда по материнской линии. Майка и шортики чистые, выстиранные и выглаженные, но такие заношенные... Надо бы прикупить Свете новую маечку, а лучше – две-три, потому что после каждого урока приходится стирать, и ткань быстро теряет цвет и вид. Но с деньгами пока очень трудно, хотя муж старается изо всех сил, подрабатывает всюду, где только может. У самой Кати зарплата крохотная, ее хватает только на оплату коммунальных услуг, спортивной секции для Жени и танцевальной студии для Светочки, при этом и секция, и студия – из самых неприятных и дешевых.

– До выхода – две минуты, – громко объявила Катя, взглянув на часы. – Все собрались, оделись, не забыли сменку, построились у двери.

– Я давно готов, – лениво протянул Женя. – Это Светка копается как всегда.

Утро у Кати расписано по минутам, нужно вовремя отправить детей в школу, мужа Славу – на учебу или на работу, в зависимости от дня недели, и самой не опоздать. На десять утра назначена встреча с представителем фирмы, выразившей готовность бесплатно поставить в хоспис медицинское оборудование, в половине первого – репетиция нового спектакля в их самодеятельном театре, и с шитьем костюмов нужно разобраться и помочь, девочки не справляются. После репетиции надо мчаться на работу, сегодня придет группа волонтеров-новичков, и никто, кроме Кати, не сможет провести инструктаж и правильно организовать их работу. Домой она вернется поздно, не раньше десяти вечера, поэтому до выхода из дома на встречу с организацией-благотворителем необходимо приготовить еду для Славика, Жени и Светы, и еще хорошо бы успеть погладить выстиранное накануне постельное белье.

Она успела сделать все, что запланировала на это утро, мысленно похвалила себя и ровно в двадцать минут десятого вышла из квартиры, сияя удовлетворенной улыбкой. По всем расчетам выходило, что дорога до места назначенной встречи займет не больше тридцати пяти минут, и целых пять минут остается на всякие непредвиденные задержки. Она молодец!

На полу лестничной площадки, возле самой двери их квартиры, лежала роза. Белая, свежая, полураспустившаяся, с сочными упругими лепестками и насыщенно-зелеными листьями. «Опять, – подумала Катя, ощущая, как растет в груди ласковое тепло. – Это уже пятая... Или шестая?»

У нее не было поклонников, ни тайных, ни явных, у нее был только муж, единственный и горячо любимый. И эти розы, которые с недавнего времени стали появляться перед ее порогом, Катя воспринимала исключительно как знак одобрения и поддержки. Кто-то оценил ее работу. Кто-то испытывает благодарность и восхищение. Желает ей добра, сил и удачи. Может быть, это кто-то из спонсоров, благотворителей, а возможно, кто-то из родственников детишек, лежащих в хосписе. Какая разница, кто приносит эти розы? Важно, что нашелся человек, который счел нужным это сделать. Человек, который понял и оценил. И пусть он пока единственный на всем свете, кроме, разумеется, самой Кати и ее мужа Славика. Любая гроза начинается с первой капли дождя, любая самая длинная дорога – с первого маленького шага...

Она несколько секунд постояла, размышляя, как лучше поступить: вернуться и поставить розу в воду или унести с собой. Открыла дверь, которую еще не успела запереть, прошла в комнату, взяла узкую простенькую вазочку из прессованного стекла, в кухне налила воду, оставила вазочку с розой на кухонном столе. Что и говорить, приятно было бы прийти на деловую встречу с белой розой в руке и вообще весь день смотреть на нее и радоваться, но самой розе это вряд ли понравится. Пусть стоит в воде.

Катю всегда считали странной. В этом мнении сходились и учителя, и одноклассники, и – что самое неприятное – ее родители. Впрочем, мнение родителей можно было с полным основанием подвергать сомнению, ибо в глазах Катиного отца, Виталия Владимировича, нормальным ребенком мог бы казаться только сын, интересующийся экономикой, финансами и менеджментом. Катя не была сыном и ничем таким никогда не интересовалась. Матери же вообще было наплевать, какой растет ее дочь. Таблетки, порошки, шприцы и иглы, кайф и дозы, приходы и ломки – вот что наполняло ее мир. К счастью, все это началось уже после рождения Кати и на здоровье девочки не сказалось. Виталий Владимирович терпел недолго, у него и вообще по части терпения было не очень, быстро оформил расторжение брака и лишение супруги родительских прав, оплатил лечение в европейской клинике и закрыл для себя вопрос, сказав: «Я сделал что мог. Оградил ребенка от дурного влияния матери-наркоманки, саму мать отправил на лечение и реабилитацию, дальше пусть сама разбирается со своей жизнью».

Был Виталий Владимирович Горевой человеком резким, решения принимал быстрые и радикальные и никогда, как правило, от них не отступался. Первые большие деньги сделал на рубеже девяностых на импорте компьютеров, ошалел от открывшихся возможностей красивой жизни, немедленно бросил жену – тихую милую женщину, бывшую одноклассницу, в которую был влюблен чуть ли не с седьмого класса, вбил себе в голову, что жена должна быть как на картинке из заграничного журнала и чтоб непременно родила ему сына, а лучше – двух или даже трех. Деньги-то в руках уже сейчас огромные, невиданные, а через пару лет он, Виталик, и вовсе миллионером станет, нужно заранее озаботиться достойными наследниками.

В первом браке у Виталия Владимировича родилась дочь, женился он очень рано, и к моменту развода девочке было уже три года. Второй брак не заставил себя ждать, подходящая невеста отыскалась быстро, беременность наступила тоже довольно скоро, но Горевому ждало разочарование: снова родилась девочка. «Ничего, – говорил он, – вторым будет мальчик. И третьим – тоже». Однако красивая, как на картинке из журнала, вторая супруга этих его намерений не разделяла. Начитавшись глянцевого глупостей, она твердо полагала, что одного ребенка более чем достаточно, чтобы накрепко привязать к себе денежного мужа, а рисковать идеальной фигурой и рожать еще раз ей не с руки. Горевой настаивал, жена втихаря принимала противозачаточные таблетки, а когда обман случайно раскрылся, Виталий Владимирович, по обыкновению, принял решение скорое и радикальное. Красивая супруга вместе с полуторагодовалой дочерью и немалыми средствами была отправлена «в развод». На всю историю со второй женитьбой у Горевского ушло чуть больше двух лет.

Здоровье подводило, и, несмотря на молодость, сексуальные возможности резко шли на убыль. Если он хочет сыновей, кровных наследников, то следовало торопиться. Новую свадьбу сыграли столь же скоропалительно, как и вторую, и опять родилась дочка, Катя. Уже третья. Бизнес набирал обороты, открывались ошеломительные возможности, Виталий крутился, решал вопросы, придумывал схемы, не переставал мечтать о сыне, но ни времени, ни сил на реализацию мечты уже не хватало. «Ладно, – думал он, – пусть девчонка, выращу, воспитаю, дам хорошее образование, отправлю учиться за границу, в Англию или в США, в бизнес-школу какую-нибудь. Мужа хорошего ей подыщу, с мозгами, с деловой хваткой. Внуки родятся. Будет кому все оставить».

Но маленькая Катя надежд не оправдывала. Она росла самой обыкновенной и при этом самой настоящей девочкой: обожала играть в куклы, наряжать их, лечить, учить, могла часами,

сидя в своей комнате, вполголоса разговаривать о чем-то со своими целлулоидными подружками. Никаких конструкторов типа «Лего» она не признавала, спортом не интересовалась, конкурировать не любила и быть хоть в чем-то первой и лучшей не стремилась. «Это временно, – утешал себя Горевой. – Она еще маленькая. Подрастет – поймет, в чем суть, возьмется за ум, научится любить дело и деньги, которые оно приносит».

В десять лет Катя попала в больницу. Болезнь была неопасной, но требовала врачебного надзора и ежедневных капельниц. От медицинского персонала Виталий Владимирович вдруг узнал, какая чудесная девочка Катенька Горевая, какая добрая и умная, как целыми днями, если не находится под капельницей, помогает с лежащими в отделении малышами, развлекает их, утешает, подбадривает, играет с ними и даже учит читать и писать, если кто не умеет. Медсестры и санитарки души в Катюше не чаяли. «Глупости, – отмахнулся тогда Виталий Владимирович. – Привыкла в куклы играть. Перебесится».

Незадолго до этого бизнесмен Горевой понял, что с женой у него проблемы и нужно что-то решать. Он и решил. Как всегда, быстро и необратимо. Денег у него много, так что ему удалось и расторжение брака при наличии несовершеннолетнего ребенка, и лишение родительских прав, и отъезд бывшей супруги на лечение в закрытую клинику в Швейцарии организовать и оформить в самые сжатые сроки. К тому времени как раз закончилось строительство роскошного загородного дома, куда Виталий Владимирович переехал вместе с дочерью. Хватит ей жить в Москве, ходить по одним улицам с нищebroдами, не умеющими зарабатывать деньги, и сидеть с их детьми за одной партой. Чему она научится в такой обстановке? От возможного влияния матери отец Катю оградил, теперь нужно сменить обстановку и перевести ребенка в другую школу, элитную, пусть девочка почувствует вкус настоящей богатой жизни, ее удобства и преимущества, и поймет, что нужно приложить определенные усилия, если она хочет такую жизнь для себя сохранить.

Перемены в своей жизни Катя перенесла легко. Во всяком случае, Виталий Владимирович был в этом уверен. Он не считал нужным скармливать десятилетней девочке сказки про уехавшую в длительную командировку неработающую маму, сказал честно и прямо:

– Мама любит наркотики больше, чем нас с тобой, поэтому она больше не будет жить с нами.

На что Катя, глядя прямо ему в глаза, ответила:

– Да ладно, она и так уже давно с нами не живет. Думаешь, я не вижу?

«Умненькая не по годам, – с одобрением подумал тогда Горевой. – Наблюдательная. Выдержанная. Из нее выйдет толк».

Толк, однако, все никак не выходил. Сменявшиеся один за другим репетиторы по математике и английскому не смогли обеспечить отличные или хотя бы хорошие оценки в дневниках, а без знания этих дисциплин о какой бизнес-школе в англоговорящей стране может идти речь? Гувернантку, которая по просьбе Кати отвела девочку в детскую театральную студию, Виталий Владимирович немедленно уволил, дочь из студии забрал. Та же судьба постигла и другую гувернантку, когда Горевой узнал, что Катя постоянно посещает разные мастер-классы: то рисования на песке, то лепки, то вышивания бисером, то еще какого-то рукодельного ремесла. Третья гувернантка, на попечение которой отец оставлял девочку вплоть до ее четырнадцатилетия, никакого своевольничанья себе не позволяла, указания хозяина выполняла досконально, после уроков сразу привозила Катю в загородный дом. Виталий Владимирович, наученный горьким опытом, регулярно пристрасно допрашивал шофера и охранников и всегда слышал в ответ, что Катя после школы сразу вернулась домой и больше никуда не уезжала. Выходить – да, выходила, вместе с гувернанткой, но за территорию поселка шагу не сделала. В самом поселке не было ничего, кроме жилых домов, никаких секций, учебных центров, студий и кружков, стало быть, если и выходила, то просто погулять, голову проветрить. Отцу, полностью поглощенному своим бизнесом, властному и самоуверенному, даже в

голову не приходило задать себе вопрос: почему девочка, которой уже почти четырнадцать, так спокойно воспринимает затворничество, ни о чем не просит, не скандалит, не требует купить куртку из новой коллекции, телефон последней модели или отправить ее с компанией сверстников на каникулы в какую-нибудь экзотическую страну, не пытается убежать, чтобы провести время с мальчиками или подружками? Ведь именно так ведут себя дети его друзей и знакомых. Когда Горевой слышал горестные рассказы о чьем-нибудь отпрыске, который «опять не пришел», «опять связался с...» и вообще совершенно неуправляем, он только усмехался и говорил:

– Моя Катерина не такая. У нее есть голова на плечах. Никаких подружек, никаких мальчиков, никаких глупостей. Только учеба, школа и дом.

И в ответ слышал:

– Надо же... Странная она у тебя. Нынешние дети такими не бывают.

Катя же, как и ее отец, тоже умела учиться на собственном опыте, поэтому после увольнения первых двух гувернанток ошибок уже не допускала. Быстро добилаcь полного взаимопонимания с третьей, после чего через мало кому известную дыру в заборе, окружавшем огромную охраняемую территорию, обе почти каждый день покидали поселок, проезжали пару остановок на автобусе и направлялись в детскую больницу, где Катя занималась тем, что любила больше всего на свете: болеющими детками. Подолгу разговаривала с ними, развлекала, играла, рассказывала сказки, вселяла надежду, помогала кормить их и переодевать, держала за ручку, пока медсестры делали инъекции. Гувернантка тоже не сидела без дела: у нее за плечами был опыт школьного преподавания географии, о своем предмете она умела рассказывать удивительно интересно, а среди детей в больнице всегда есть школьники. Катю интересовали только малыши, гувернантка же занималась теми, кто постарше.

– Если твой папа узнает, головы нам не сносить, – то и дело вздыхала Катина наставница.

– Не узнает, – решительно отвечала девочка. – Я все продумала. Те, кто живет в нашем поселке, лечат своих детей в совсем других больницах или вообще за границу отправляют. С простыми людьми папа не контактирует и никак с ними не пересекается.

– Мне не нравится, что мы обманываем. Я тебя покрываю, а это непедагогично.

– И что вы предлагаете? – прищурилась Катя. – Сказать правду и получить скандал и ваше увольнение? Я все равно буду делать то, что мне нравится, а не то, что нравится папе. Но сейчас мы по крайней мере живем тихо и мирно, папа занимается своими делами, обо мне не беспокоится и нас с вами не трогает и не сильно проверяет. Хотите, чтобы все изменилось?

Перемен гувернантке хотелось меньше всего. До четырнадцатого дня рождения Катюши оставались считанные месяцы, а Виталий Владимирович с самого начала предупредил, что с четырнадцати лет собирается приучать дочь к полной самостоятельности и ответственности. Значит, получать большую зарплату за спокойную комфортную работу больше не придется, если только не освежить знания в области экономической географии. В этом случае есть надежда задержаться у Горевых еще на какое-то время. Деньги так нужны! Да и к девочке она привязалась.

Виталий же Владимирович, ослепленный длительным периодом спокойствия и послушания дочери и ее наставницы, пришел к выводу, что девочка у него и в самом деле выросла странная, к делу ее вряд ли удастся приставить, поэтому следует предпринимать необходимые усилия к тому, чтобы сделать ее невестой, привлекательной для подходящего жениха. Требовался энергичный деловой зять с хорошими мозгами, но такие парни вряд ли позарятся на странноватую молчаливую девицу, обладающую к тому же весьма средненькой внешностью. Катя Горевая и в самом деле не была красавицей. Конечно, есть теория о том, что красота – в глазах смотрящего, и если эти глаза смотрят с любовью, то и самый страшный урод кажется прекрасным принцем. Наверное, в глазах Виталия Горевского было мало этой самой любви. Или

ее и вовсе не было... Он разучился любить людей, а может быть, и не умел никогда. Он любил только свой бизнес и свои деньги. Ну и себя самого, разумеется, свои планы, свои расчеты.

Гувернантка оказалась достаточно умной, чтобы вывести разговор в нужное русло, когда Виталий Владимирович бросил невзначай фразу: «Девочку нужно обтесать, она дикая совсем, с приличными людьми общаться не умеет». Через пару недель, в течение которых капля точила камень, все образовалось наилучшим образом, гувернантку оставили при Кате, и им разрешено было вернуться в Москву и жить в городской квартире, но с условием, что всю хозяйственную домашнюю работу девочка будет выполнять сама.

– Вы не домработница, – строго наставлял Горевой, – ваша обязанность – помогать Кате учиться и следить, чтобы она не наделала глупостей. В бытовых вопросах пусть приучается быть самостоятельной и ответственной. Если она чего-то не умеет – научите, но ничего не делайте вместо нее. Это понятно? И подумайте, как привести ее в человеческий вид, чтобы в моде разбиралась, выглядела нормально, могла разговор поддержать. Водите ее на фитнес, в СПА-салоны, куда там еще, не знаю... Сами разберетесь.

– В четырнадцать лет посещать СПА-салоны рановато, – невозмутимо заметила гувернантка. – А вот театральную студию я бы порекомендовала. Там Катюшу научат красиво ходить и пластично двигаться, сделают голос более выразительным. И еще...

Но Горевой перебил, не дослушав:

– Вы педагог, вам виднее. Делайте, что считаете нужным, но выдайте мне результат.

Может быть, именно в этом и состоял секрет успеха его бизнеса: Виталий Владимирович никогда не стремился к полному контролю, не диктовал, кому что и как делать. Главным для него в любом деле, в решении любой задачи был только результат. Если задача решена и результат достигнут, то какая разница, какими средствами и каким способом?

И для Кати началась совсем другая жизнь. Получать высшее образование ей не хотелось, к наукам она способностей в себе не чувствовала и интереса не испытывала, однако поступление в институт развязывало ей руки: отец еще пять лет не будет нависать над ней, а свободного времени – куча, особенно если учиться не на бюджетном отделении, а на коммерческом. Да она и не поступит на бюджетное, это Катя и сама понимала, знаний не хватит. Единственный предмет, которым она занималась бы с удовольствием, – дошкольная психология. Но если для того, чтобы иметь возможность работать с малышами, нужен какой-нибудь диплом, придется поднапрячься и получить его. И после окончания школы Екатерина Горевая стала студенткой Московского областного педагогического университета, поступив на факультет специальной педагогики и психологии. Сначала она собиралась подавать документы на другой факультет – психологии, – но выяснилось, что на спецпедагогике ей дадут необходимые знания именно по проблемам нездоровых деток, то есть те самые знания, которые ей нужны, чтобы заниматься тем, к чему рвалась ее душа.

Вплоть до окончания школы Катя действительно посещала театральную студию, однако вовсе не для того, чтобы научиться владеть телом и голосом (этому она тоже училась, но без фанатизма). У нее была совсем другая цель, и уже к окончанию первого курса Катя стала активным участником и организатором самодеятельного театра, выступающего в детских больницах и хосписах. У болеющих малышей так мало радостей... Пусть хотя бы на час-полтора забудут о боли и страданиях, о перевязках и мучительных процедурах, пусть испытают восторг, увлекутся сказочной историей!

Когда она была на третьем курсе, начали постепенно появляться спонсоры, готовые оплатить поездку труппы в другие города, ведь не в одной только Москве дети тяжело болеют. К этому времени Катя уже жила одна, надобности в гувернантке ее отец больше не видел, а что касается поездок, то Виталий Владимирович, свято убежденный в честности и послушности дочери, легко верил кратко поданной информации: «Наша студия выезжает с гастрольным спектаклем».

В одной из таких поездок Катя и познакомилась со Славой, волонтером в областном детском хосписе. Слава, как быстро выяснилось, был одной с ней крови: волонтерствовал с двенадцати лет, сначала ухаживал за умирающим младшим братом, а после его смерти так и продолжал помогать тем, кто мужественно боролся с неизлечимыми недугами. В семье Славы было четверо детей, он – старший, и кроме рано ушедшего братишки были еще Женя и Светочка. Отец имел за плечами две судимости, мать – только одну, и ту условную: гуманный суд проявил снисхождение к беременной подсудимой. Оба родителя очень любили выпить и очень не любили работать. Слава места себе не находил, думая о том, какими в такой семье вырастут его любимые младшенькие. Их нужно увозить от родителей, и чем дальше, тем лучше. Но куда? Он хотел стать врачом, педиатром, а лучше – детским онкологом, он старался изо всех сил и поступил-таки в мединститут, но общежития не было, на занятия из своего райцентра приходилось ездить каждый день на электричке, а Женя и Света так и продолжали жить с пьющими родителями.

Кате исполнился двадцать один год, Слава на два года младше, но молодых людей, нашедших друг в друге полное единодушие и готовность к взаимной поддержке, это нимало не смущало.

– Я увезу вас всех, – решительно заявила Катя, когда через несколько месяцев после знакомства поняла, что хочет быть рядом со Славой до конца жизни. – Мы поженимся, и вы переедете в Москву.

Она предполагала, что отец будет не очень доволен, но не думала, что все обернется так ужасно.

– Малолетний пацан! Сопляк! – орал Виталий Владимирович. – Он младше тебя на два года! Судимые родители-алкоголики! Ты вообще соображаешь, что собираешься сотворить? Привезти сюда эту ораву провинциальных бомжей! Поселить их в шикарной квартире в элитном доме! Нет, нет и нет!

– Да! – твердо отвечала Катя. – Я его люблю и выйду за него замуж. И все они будут жить здесь, со мной.

Виталий Владимирович, как обычно, не проявил склонности к долгим разговорам и затягиванию конфликта в надежде, что как-нибудь всё само собой уляжется и рассосется. Видя, что его грубые окрики не принесли желаемого результата в течение первых двух-трех часов, он принял решение.

– Ты мне больше не дочь. Последнее, что я для тебя сделаю – оплачу твою учебу до конца и куплю однушку на окраине Москвы, самую захудалую, чтобы никто не смог меня упрекнуть, что я выкинул за порог родную дочь и оставил без крыши над головой и без образования. Крыша у тебя будет. Диплом будет, если дотянешь. Но больше не будет ничего. Живи как знаешь, живи с кем хочешь. С этого момента ты не имеешь ко мне никакого отношения. На глаза мне не показывайся и помощи не проси.

– Хорошо, не покажусь и не попрошу, – кивнула послушная дочь. – Спасибо.

С тех пор прошло два года. Катя и Слава поженились и теперь жили вчетвером в маленькой однокомнатной квартире. Слава перевелся в один из московских мединститут, брал бесконечные подработки, пытаясь обеспечить семью хотя бы минимально необходимым, Катя получила диплом психолога-дефектолога и немедленно оформилась на работу в хоспис, где неофициально, в свободное время, трудилась уже давно.

Было трудно. Да что там трудно – тяжело. Денег мало, жилье тесное, ответственность за Женю и Светочку огромная. Много чего у Кати не было, но зато и многое было. Были навыки обустройства быта и ведения хозяйства. Была несгибаемая твердость и поистине нечеловеческое упрямство. Была цель. Был любимый муж, который думал так же, как она, и стремление к этой цели поддерживал. И была вера в то, что все получится, нужно только проявить упорство и терпение.

После получения документов на квартиру она не видела отца ни разу. Не приходила к нему, не звонила. Он же сказал, что Катя ему больше не дочь, и велел не показываться на глаза. А она хоть и не дочь теперь, но послушная. Более того: похожая на своего папу как две капли воды, и внешне, и по скорости принятия решений и неумению их пересматривать и отменять.

В особенно тяжелые минуты, когда пересчитывание оставшихся до зарплаты рублей показывало ужасающий результат, Слава иногда осторожно говорил:

– Катюня, может, все-таки попробуешь поговорить с отцом? Столько времени прошло, он наверняка уже не сердится...

– Нет, – спокойно и твердо отвечала Катя. – Если у моего отца нет дочери, значит, у меня нет отца.

– У меня сердце разрывается, когда я вижу, как ты бьешься как рыба об лед. Ты ужасно устала, у тебя уже сил нет ни на что!

– Ты тоже устал, – возражала она. – И ты тоже бьешься и колотишься из последних сил, спишь урывками, потому что постоянно берешь сутки, санитаришь, таскаешь носилки с лежащими больными. И что теперь?

– Я – мужчина, я должен.

– А я – женщина, твоя жена. И я тоже должна. Ты что, сомневаешься, что мы сами справимся?

Она смотрела на мужа широко открытыми удивленными глазами. Если у Славы и появлялись порой некоторые сомнения, то хватало ума и выдержки не делиться ими.

Глава 5

Суббота

«Интересно, сколько дней еще простоит такая дивная погода», – думала Настя Каменская. Ей почему-то на мгновение стало жаль заезжать с залитого солнцем Чистопрудного бульвара на большой подземный паркинг рядом со станцией метро. Как в темную дыру проваливаешься... Конечно, это преувеличение, паркинг хорошо освещен, никакой он не темный, но по сравнению с солнечным бульваром все равно кажется дырой.

Петр приехал вовремя и ждал ее возле памятника Грибоедову.

– Я уже посмотрел, – радостно сообщил он. – Это совсем рядом. Вы помните, как тут все было в девяносто восьмом?

Настя неопределенно пожала плечами. Что-то она помнила неплохо, а чего-то не помнила совсем. Двадцать лет – срок немалый даже для ее памяти.

– Памятник был, это точно, – усмехнулась она. – За все прочее не поручусь. Нет, вру, выход из метро «Чистые пруды» тоже был, а вот станции «Тургеневская» еще не было. И кругом сплошь стояли палатки и киоски с шаурмой, всякие «Теремки» с блинами, «Крошки-картошки». Выходишь из метро и словно на базар попадаешь, торговля вовсю шла. Для тех, кто целыми днями по городу мотался, весь этот общепит был настоящим спасением, если нет времени зайти в кафе.

– Вкусно было?

В голосе Петра зазвучало живое любопытство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.